

Марат Хадыевич Файзи

Марат Хадыевич родился 22 сентября 1925 года в Москве в семье служащих. Мать — врач, отец — экономист, в 30-е годы работавший ректором симферопольского Комвуза.

Война застала семью Файзи в Москве, где Марат — восьмиклассник, с мамой-врачом поликлиники жили в комнатухе дома, подведомственного заводу № 22 им. Горбунова. Во время частичной эвакуации в тяжкие для Москвы месяцы дежурили на заводе по ночам, гасили «зажигалки» от «юнкерсов», рыли противотанковые рвы на Можайском направлении. В 1944 г. Марат Файзи поступил в 1-е Московское военно-авиационное училище связи, а 24 июня 1945 г. юным курсантом участвовал в сводном батальоне училища в первом историческом Параде Победы.

После демобилизации семья переехала в Ригу, где мама продолжила работать врачом, а Марат закончил филфак Латвийского государственного университета.

После реабилитации отца в 1956 г. семья Файзи вернулась в Симферополь. С 1960 по 1964 годы, будучи методистом по фольклору областного дома народного творчества, Марат Хадыевич записывал воспоминания фронтовиков. Эти записи позже пригодились, уже как преподавателю культпросветучилища, в подготовке тематических вечеров в домах культуры Крыма.

С 1993 года Марат Файзи вместе с супругой Авророй Степановной активно участвовал в работе русской общины Крыма.

В 1999 г. был издан сборник в помощь семье и школе «Сказки, легенды и предания Крыма».

При участии Марата Файзи, члена совета старейшин армянского общества и редактора первых выпусков, в 2002 году увидел свет сборник «Армяне в крымских легендах». В 2004 году по приглашению Киевского управления культуры был участником республиканской книжно-иллюстративной выставки «Легенды Крыма».

Награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени.

Сейчас Марату Хадыевичу 95 лет, он старейший представитель русской общины Крыма, ветеран Великой Отечественной войны, литератор, автор замечательных легенд, знаток Крыма и ровесник «Артека», основанного в год рождения Марата Файзи...

ISBN 978-5-6045002-2-4

9 785604 500224

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА для детей

Симферополь
Медицентр им. И. Гаспринского
2020

УДК 398.5(477.75)(076)

ББК 82.3(2-6Кры)я72

Л 38

Одобрено Консультативным советом по изданию социально-значимой литературы на родных языках при Государственном автономном учреждении Республики Крым «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского». Издано при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым за счёт средств федерального бюджета, бюджета Республики Крым, не подлежит коммерческому распространению

Л 38 **Легенды Крыма для детей** / автор-составитель *Файзи М. Х.*
– Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2020. –
120 с. : илл.

ISBN 978-5-6045002-2-4

В книгу включены легенды Крыма, обработанные и адаптированные для использования в общеобразовательной школе при изучении курса «Литература родного края».

Для учащихся всех типов общеобразовательных учебных заведений: лицеев, гимназий, школ и классов с углубленным изучением предмета.

УДК 398.5(477.75)(076)

ББК 82.3(2-6Кры)я72

ISBN 978-5-6045002-2-4

© *Файзи М. Х.*, автор-составитель, 2020

© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2020

ДАР ВОЛШЕБНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Пусть читателя не удивляет, что знакомые и неизвестные легенды собраны в книге «под сенью» известных крымских вершин. Ведь многие горы овеяны легендами. Как места обитания богов и хранилища неких тайн почитались издавна Эверест, Арарат, Олимп, Парнас и др. Обрели когда-то своих богинь и джиннов и некоторые крымские горы. Об этом свидетельствуют найденные на их склонах и в пещерах следы святилищ и храмов.

Далеко не каждую гору, овеянную легендами, называют святой. «Освящали» люди своей памятью и воображением только некоторые горы. В горной вершине, обточенной ветром, легче, нежели в морской глади и в неоглядной степи, было увидеть что-то человеческое, особенное...

Так, по воле человека становились горы участниками легенд.

Гора Фуна услышала мольбы жителей маленького села Демерджи и избавила их от злобного Кузнеца, Кара-Даг покарал кровожадного Великана, а Чатыр-Даг — алчного хана. Им, надежным защитникам от холодных ветров и всяких злых напастей, доверяли люди свои тайны и святыни («Сокровище горы Басман»). Горы притягивали к себе человека не только тем, что будили его воображение и помогали одолевать опасности.

На священную гору Афон в Греции человек поднимался для духовного очищения, а на знаменитую Фудзияму в Японии шли и для того, чтобы обрести дар волшебного путешествия, услышать голоса предков.

Дар волшебного путешествия... Чтобы обрести его, не обязательно отправляться в далекую Японию, к Фудзияме. Эта книга приглашает вас подняться на знакомые крымские горы с помощью легенд.

События, которые привязаны к Аю-дагу, Ай-Петри, Кара-Дагу, горе Басман, Чатыр-Дагу, горе Кафель повествуют об очень живучих человеческих страстях и нравственных ценностях.

Историю Древней Греции в некоторых школах начинают с легенд. Почему бы не повторить этот опыт, изучая историю нашего полуострова? Ведь именно мифы и легенды открыли его человечеству.

Вымысел легенд часто помогал реальным героям отстоять свободу, честь и любовь. Легенды оказались долговременнее крепостей, разрушенных временем.

Пусть же хранимый легендами голос далеких предков поможет вам обрести живой образ удивительной земли с коротким названием Крым.

ЗАГАДКИ ЛЕГЕНД

Более ста лет прошло со времени выпуска первого сборника легенд Крыма, а интерес к ним не пропадает. Самая древняя из них родилась в IX в. до н.э. Самая юная — написана специально для этой книги. Между ними тысячелетия.

В чем же секрет долголетия этого жанра и неувядаемого интереса к нему?

На вопрос, что такое легенда, дети чаще отвечают так: «Это почти сказка». В этом «ПОЧТИ», пожалуй, все дело.

Сказку знают все. Это увлекательная безудержная выдумка, небывалые волшебные персонажи, действие неизвестно где и когда происходящее. Одним словом: «не любо — не слушай, а врать не мешай!»

Легенда серьезнее, эпичнее. В переводе с латинского это слово означает «то, что надлежит прочитать».

А надлежало прочитать (или услышать) о деяниях чудесных и событиях необыкновенных, почти сказочных. Но только «почти», потому что забавным чудесам сказки кто же поверит, а в легенду предписано было верить.

Так, сближаясь со сказкой, легенда никогда не превращалась в нее. И как частица горделивой памяти предков, она отстаивала себя как жанр, упорно подчиняя вымыслу всю систему художественных средств. Возможно, неуступчивость легенды и повлияла на превратную судьбу этого жанра, которому досталось в истории немало.

Сам термин возник в раннем средневековье, когда церковь практически не имела конкурентов в организации духовной

жизни общества. Тогда-то и заговорила легенда наставительным языком душеспасительных «житий», стараясь уберечь человека от хитрых соблазнов и пагубных страстей.

Отголоски религиозных притч легко обнаруживаются в некоторых крымских легендах.

Однако в горделивой памяти предков легенда оставалась близкой родственницей мифа. Правда, в те давние времена в легенде действовали люди, а не боги, как в мифе, и события в ней протекали не в мифическом времени, а в пределах человеческой истории. Там, в самых жестоких обрядах посвящения звучала сакральная легенда, укреплявшая дух терявших веру в себя. Кто знает? Может быть, это был прототип будущей героической легенды, в которой временами нуждалось человечество.

Прошли века. И нашел себя жанр легенды там, где на тесном пространстве сюжета сталкивались извечные антагонисты: жизнь и смерть, добро и зло, красота и уродство.

КАК ПОЯВИЛАСЬ ПЕРВАЯ ЛЕГЕНДА О КРЫМЕ

Истоки крымских легенд восходят к невероятно далеким временам Гомера.

Шесть суток плыли корабли Одиссея по бурному Понту. Негостеприимным стало для них Черное море. Миновав множество опасностей, мореплаватели достигли, наконец, тихой и укромной бухты.

В славленную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темных бездн
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.

Но здесь на Одиссея и его спутников напали лестригоны. Эти разбойники «ростом с высокую гору» забросали их корабли обломками береговых скал. Многих спутников не досчитался тогда Одиссей.

Что это? Эпизод волшебной сказки или мифа, в который древние греки трогательно верили? Ведь чудовищные великаны швыряли камни в реальных жителей Итаки, приплывших на обычных кораблях в славную пристань, удивительно похожую на нашу спокойную Балаклаву.

Пройдут века и греческий географ Страбон, говоря о воинственных таврах, часто занимавшихся разбоем, напишет, что одним из их пристанищ была «бухта с узким входом, возле которой они устраивали свои разбойничьи притоны и нападали на тех, кто спасался от непогоды». Если исключить мифических лестригонов, то окажется, что Гомер и Страбон имели в виду одно место, и называлось оно Сьюболон-лимне (бухта символов, предзнаменований).

Название это возникло, скорее всего, из обычая тавров зажигать ночью береговые костры, чтобы привлечь, а потом и ограбить плывущие мимо суда. А пленников тавры приносили в жертву главной богине — Деве.

Не содержалось ли в поэме Гомера в этом слиянии фантастического и реального то, что позже станет своеобразием легендарного вымысла? И не вместе ли с Одиссеем робко высадилась тогда на крымскую землю первая легенда? Впрочем, почему робко? Вряд ли откажешь в мужестве первооткрывателям этой земли, которые, минуя все опасности, искали удобные бухты, закладывали первые города. Земля, горы, бухты — все обрело свое название. У живших здесь племен появились имена, озвученные впечатлительными греками: киммерийцы, тавры и, соответственно, земли, на которых они жили, стали называться Киммерия и Таврия.

ДРЕВНЯЯ СИЛА ВСЕПОНИМАНИЯ

Вместе с отчаянными мореходами и торговцами по-своему осваивали далекий край античные писатели и ученые — Еврипид, Овидий, Геродот, Страбон и др. Кто-то из них, основываясь на чьих-то рассказах, говорил о Киммерии как о туманной

печальной области и крае света, куда не заглядывает бог солнца Гелиос. И чувствовалось, что рождались эти строки далеко от крымской земли. Тогда как описания других авторов, увидевших эту землю воочию, были полны света и солнца. Например, предание о том, как возникло название Ялта.

Но вместе все эти предания, мифы и легенды постепенно накапливали древнюю силу всепонимания.

Предания были достовернее легенд. Сообщая всего об одном факте или явлении, они, казалось, и не нуждались в вымысле. И, не заботясь о форме, были, как правило, фрагментарны и бессюжетны. Преданию важно было что, а не как передать.

Но вымышленные чудища, злые и добрые духи витали где-то рядом. И чтобы не потеряться среди ярких и фантастических историй, безликое предание стало сближаться с легендой, обретая сюжет и вымысел. «Чудесным преданием» называл Даль легенду.

А вот у мифа определенной формы быть не могло. Потому что миф — не жанр. Он всегда был пересказом уже существовавшего ранее. Это важно учесть, чтобы понятнее стала легенда, выбиравшаяся из бесформенных и стихийных нагромождений мифа.

Одним из самых популярных в северном Причерноморье считался миф об Ифигении. Ифигения — почти ровесница отважного Одиссея. И то, что произошло с ней, судя по Еврипиду и Овидию, творилось на крымской земле.

Это был культовый миф, и власть богов в нем должна была быть непререкаемой. Да, в мифе, созданном до Еврипида, Ифигения — богиня, а в трагедии Еврипида — смертная девушка. В мифе, которому следовали Еврипид и Овидий, Ифигения, Орест и Пилад спасаются от смерти по воле богов. Афина и Аполлон убеждают богобоязненного царя тавров не преследовать беглецов.

В легенде их спасает от смерти, главным образом, находчивость самой Ифигении. А удивительное благородство Ореста

и Пилада и тоска по родине этой приговоренной к вечному изгнанию жрицы оказываются куда человечнее и возвышеннее суетных деяний богов.

В легенде явственно просматриваются яркие человеческие судьбы. Ну а какая цель была у создателей мифа? Помните, его кульминацией стал момент замены Ифигении ланью на жертвенном алтаре. Это не просто гуманный поступок Артемиды. Им создатели мифа подтверждали благородство греков, оттеснивших человеческие жертвоприношения к провинции, к так называемым полудиким народам.

Кроме того, в одном из вариантов культового мифа вместо Ифигении на жертвеннике внезапно появлялась не лань, а бык. Бык по-гречески «таурос». Отсюда, как сообщает поэт П в. до н. э. Никандр, возможно, назван целый народ таврами, а полуостров Таврикой.

Так миф истолковал название, а заодно культы и жестокие нравы одного из древних народов Крыма.

Как видим, чудесный вымысел мифа творился не с поэтической, а куда с более скромной и практической целью. Но именно поэтико-нравственной глубине мифа обязана легенда своим долголетием. И поразительно, каким поистине неисчерпаемым источником творчества стала судьба Ифигении для художников, поэтов, скульпторов и драматургов. Впечатляют только одни цифры без имен и названий. В XVI—XVIII вв. было создано около ста произведений на сюжет «Жертвоприношение Ифигении». В XIX—XX вв. написано около пятидесяти трагедий на сюжет этого мифа.

Не удивительно ли, что поэтический заряд этого мифа, пронизав века, мог отозваться и на весьма далекой от него по времени крымской легенде.

МЕДВЕЖЬЯ БОГИНЯ

Чтобы выжить, древний человек старался угадать окружающий мир. В его воображении причудливые изваяния гор, глу-

бокие провалы пещер и буйное смятение неба начинали жить своей таинственной жизнью.

Часть ее вместе с лесным шумом, песней ветра и гулом гор доносилась к нам обрывками преданий и легенд. И тогда с их помощью отыскивали мы в застывшем мире камня стройную фигуру девушки, лик старца, широкие плечи воина.

Что это? Жившие некогда люди? Или просто безымянные обломки скал — следы горных обвалов, которые ждут не дождутся, когда оживут образами легенд.

Действительно, что появилось раньше — название горы или легенда о ней? Или, может быть, благодаря легенде и сохранялись названия гор и имена причудливых изваяний?

Немногие, вероятно, знают, что Демерджи называлась раньше Фуна, а Аю-Даг тоже именовали по-разному: Брисава, Акрома, Тамар. Но уже столетия этот припавший к морю огромный лакколит зовут не иначе как Аю-Дагом, или Медведь-горой. И вполне возможно, что сохраняется это название до сих пор благодаря популярной легенде.

Известны два ее варианта и сравнение их приводит к любопытным мыслям.

Первый вариант напоминает скорее этиологический миф, объясняющий, как появились на побережье изломы гор, ущелья и овраги. Для всего этого, а также для того, чтобы покарать непослушных джиннов Аллаху понадобилась сокрушительная сила Великого Медведя. Вот и крушил этот величиной с гору мохнатый великан все подряд, пока не оказался у Партенита. Здесь он, покоренный красотой лесов и долин, не смог больше разрушать и, наказанный за это Аллахом, окаменел у моря.

Во втором варианте Аллаха нет. Зато, окаменевший от ярости и горя и еще чего-то Медведь до сих пор без усталости пьет морскую воду, пытаясь вернуть покинувшую его любимицу.

Кто-то считает эту легенду романтической сказочкой для курортников. Мол, еще В. В. Маяковский в 1929 г., посетив Крым, упомянул, что у моря:

Шкурой ревности медведь лежит когтист...

Значит, легенда была известна еще в начале века? Разве это не говорит о ее популярности? Кстати, ее популярность находит своеобразное подтверждение в том, что небольшую скалу в море у поселка Партенит, похожую на гигантскую соседку, местные жители называют Медвежонком. И все-таки, почему же уже четыре столетия эту гору называют Аю-Дагом? И хотя в средние века генуэзцы именовали эту гору Камелло, Верблюд, другим она даже напоминала Бараний Лоб. Может быть, дело вовсе не во внешнем подобии: важнее не какая гора, а кому она принадлежала?

Этнографы связывают название горы с родовым именем кипчаков, обитавших в Крыму в средние века. Род Аю образовался от названия тотема и, следовательно, поклонялся медведю. Медведь, защитник и покровитель, стал священным для рода. Он оберегал их жилища и спасал своих сородичей — людей. Да, именно сородичей, ибо у многих народов тогда не было различия между людьми и животными.

Кто знает, может быть, в те времена и возникла эта история о человеческом детеныше, вскормленном Медведицей.

Какому же из двух медведей отдали бы предпочтение кипчаки как священному животному? Тому, кто все разрушал, или тому, кто спас и взрастил человеческого детеныша? Наверное, последнему. Значит ли это, что легенда появилась тогда, когда в Крыму жили кипчаки, т. е. в средние века? Утверждать это преждевременно.

Партенит (по-гречески «Дева») — поселок у подножия Аю-Дага. Почему-то именно здесь застыл, очарованный окружающей красотой, мифический Медведь. Завороженный плеском морских волн, шумом леса, а, может быть, праздничными песнопениями у храма Артемиды, того самого, откуда совершила побег с греческими юношами Ифигения. До сих пор еще предполагают, что храм этот мог находиться на аюдагской земле. Ведь именно здесь обнаружены остатки памятников античной поры, средневековых исаров и церквей.

Гора была слишком заметна в округе. Она издавна будила воображение местных жителей. Возможно, для окрестных тавров Аю-Даг представлял нечто большее, чем охотничье угодье. И аюдагские развалины вполне могли оказаться руинами святилища Девы.

Это божество было близко таврам и грекам. По сведениям древних историков, Дева, Ифигения, и Артемида походили друг на друга суровым нравом, воинственностью. Деву могли называть и Ифигенией, и Артемидой во время культовых поклонений. Но дочь Зевса и богини Лето — Артемида считалась не просто богиней охоты с луком, колчаном и т. п. Она слыла в древности именно Медвежьей богиней и как покровительница медведей часто изображалась в медвежьей шкуре.

— Не хотите ли вы предположить, — спросит кто-нибудь, — что девочка, выброшенная волнами на крымский берег, эта дочь природы, нашедшая пристанище у медведей, и есть та самая Медвежья богиня?

А почему бы и нет?

Косматой матерью согрета
Росла и крепла Дева гор,
Медвежьей шкурою одета
Цвела всему наперекор...*

«Всему наперекор» этот беспомощный детеныш, один из всех спася после кораблекрушения и чудом выжил среди зверей... И не только выжил.

Ей покорились звери, она стала любима человеком, звук ее голоса завораживал всех. Не много ли чудесного? Кажется, вот-вот, еще немного и дитя человеческое превратится в легенде в быстроногую богиню медведей и сможет уплыть от них со спасенным юношей. Так же, как когда-то покинула эти берега Ифигения — ведь обеих помимо любви (Ифигения считалась невестой Ахилла) тянула к себе далекая страна, где они родились.

И внял мольбам Амура страстным
Зевс громовержец — бог богов.
И ветры гнал дыханьем властным
От грозных, диких берегов...
И вот в час утренней Авроры,
Где в море тают небеса,
Возникло судно на просторе,
Неся тугие паруса...

Кажется, нетрудно обнаружить в этой средневековой легенде ее античное зерно или влияние популярного мифа об Ифигении.

Второй вариант легенды, скорее всего греческого происхождения. Ведь в зачине первого варианта, который мы считаем мифом, удачно записанным в 1936 году Усеиновым Кязимом, говорится следующее: «Вот что передали нам о горе Аю-Даг наши деды, а им их деды и прадеды — греки, несколько сотен лет тому назад жившие там, где мы сейчас живем с нашими детьми и внуками».

Что это, как не признание того, что легенда была греческого происхождения, усвоенная позже татарами.

Когда-то П. И. Кепшен впервые предположил, что происхождение названия «Аю-Даг» не выяснено и что вначале вполне могло быть «Айя» (по-гречески айес — святое) и тогда получается, что переделанное греко-татарское «Аю-Даг» не «Медведь-гора», а «Святая гора».

А раз «Святая гора», то вероятнее всего был и храм, и была богиня, может быть, и Медвежья.

Но как бы то ни было, до сих пор это живучее, пришедшее из глубины веков звероподобное название горы сохраняется благодаря поэтической легенде о Медведе, который навсегда остался верен утраченному сокровищу.

ОПАСНЫЙ КУЗНЕЦ

Редко кто по дороге из Симферополя в Алушту не обращал внимания на эту красивую гору с каменными «изваяниями»

на ее склонах. Это следы большого обвала 1894 года. Камнепады и оползни случались здесь и раньше и после, но легенда появилась, видимо, тогда, когда надо было как-то объяснить на бытовом уровне беспокойный характер горы и почему старое греческое ее имя Фуна (Дымящая) сменилось новым — Демерджи (Кузнец).

Впервые напечатанная в 1957 году легенда «О Кузнеце с горы Демерджи» показалась нам усложненной. Неплохая сама по себе идея борьбы с ордами завоевателей, с чего и началась легенда, подчинила себе действия не только Кузнеца и Марии, но и всех жителей села. Часть жителей под нажимом захватчиков вынуждена была ковать гибельное оружие под началом Кузнеца, а девушка Мария, пытавшаяся уговорить Кузнеца уйти с вершины горы, погибла, пораженная его кинжалом.

А между тем, первоначальная запись устной легенды возникла всего лишь для того, чтобы объяснить перемену названия горы и большой обвал, в обломках которого легенда «нашла» свои образы и фабулу. Но смутил напечатанный текст легенды, которым пользовались экскурсоводы, туристы, посещавшие Демерджи. Как ни пытались, не могли они увидеть сложившиеся из текста представления в каменных «изваяниях» Кузнеца и Марии. Эти «изваяния», их расположение и позы были далеки от кровавой драмы, о которой рассказывала легенда. Умилительный взгляд, благодушная отрешенность поз скорее свидетельствовали о легкой размолвке двух возлюбленных.

Если бы народная легенда действительно считала Кузнеца предателем и кровожадным губителем кротких людей, скорее всего он бы исчез бесследно. Его испепелила бы молния и навсегда поглотила земля как одноглазого великана из легенды «Кара-Даг — Черная гора» или хана из легенды «Золотая россыпь у Чатыр-Дага». Так, кстати, и случилось. Но не в печатных изданиях.

В первоначальной записи легенды Кузнеца среди его окаменевших подручных нет. Он, причинивший много бед, видимо, провалился сквозь землю.

Правда, фантазия туристов, следуя напечатанным легендам о Демерджи, упорно продолжает отыскивать образы Кузнеца и Марии на склонах горы. А вот кому принадлежала скала в форме женской головы на южной оконечности горы? Девушке Марии? Но это был профиль солидной женщины с высокой прической и гребнем в волосах. Кого напомнила она? Конечно же, красавицу-гречанку, уведенную чернобородым Кузнецом. Так говорила первоначальная запись легенды. Не девушка Мария явилась к чернобородому Кузнецу, а вот эта зрелая женщина. Но и это вызвало возмущение односельчан и «потрясло» гору, которую все-таки называли Демерджи. Почему? Может быть, память народная, испытав потрясение, отчаялась на это? Неужто победило Зло? В легенде и такое возможно. Ведь это не сказка, а почти история.

А история, по мнению И. Н. Лезиной, предполагает, что название Демерджи могло возникнуть от названия одного из тюркских родов, обитавших в Крыму. Трудно сказать так ли это. Кто знает, загорались ли горны в кузне на вершине этой горы, и чей род пас на ее склонах свои стада? И хотя это предположение несколько увело нас от сюжета легенды, оно все же напомнило о важном явлении древности.

В первобытном обществе обожествляли не только вождей. Там существовал и культ профессий и, прежде всего, кузнецов. Добывать металл, изготавливать из него разные предметы было тогда делом совсем непростым и даже загадочным, Профессиональная тайна кузнецов приобрела постепенно какуюто роковую, чуть ли не демоническую силу в глазах людей. Ведь с помощью молота творились не только подковы, скобы и топоры. Неуступчивый и вредоносный кузнец мог наслать и порчу, вызвать какую-нибудь катастрофу, а может быть, и горный обвал.

Этот страшный демонический образ чернобородого Кузнеца и приводил в трепет жителей села. Против него, жившего между небом и землей, они были бессильны, и только сама, потрясенная их несчастьем, гора помогла им, поглотив Кузнеца.

Так гора Фуна стала горой Демерджи.

КАК ВОЗНИК КРЫМ

Море и Солнце любили эту благодатную Землю, но каждому хотелось, чтобы она принадлежала только ему.

Море бурно оповещало о своей любви прибоем, смывая целые скалы. И набегали на берег угрюмые волны, надоедливо шепча:

— Ты наша, Земля, наш ш ш ша... И поникла Земля, сползая в горькую пучину Моря.

Светлое дыхание Солнца пробудило ее. Увидела Земля, что среди тысяч мерцавших на небе звезд только Солнце донесло ей тепло и свет. И потянулась она к Солнцу голубыми вершинами своих гор, засверкала высокими травами.

Глухим ропотом откликнулось Море, но Земля не слышала его. Оцепенев от зноя, она сохла и трескалась, превращаясь в бесплодную пыль.

Радость захлестнула полыхавшее Солнце:

— Я и ты! Ты и я — одно яростное счастье! Остальное — все пыль!

А когда вспыхнули копыя высохших трав, поняла Земля, что не ярости Солнца, не горького ропота Моря ждала она. Каждой травинкой, всеми трещинами скал своих ждала она того, кто отдаст ей себя и воплотится в ней новой жизнью.

Нахмурилось Небо, видя, как страдает Земля. Тучи закрыли Солнце и пролились дождем.

Жадно, захлебываясь пила Земля сладкую воду Неба и не заметила, как на груди у нее радужным сердечком рассвета вырос цветок, выпрямился, гордо взглянул на бурливое Море и зажмурился от яркого света.

Это Солнце не могло наглядеться на сверкавшие от росы лепестки.

С тех пор, чтобы продолжалась жизнь на Земле, Небо всегда ткало узоры из Солнца и Дождя, из Огня и Воды. Может быть так и возник Крым из Огня и Воды? Как цветок, похожий на сердце.

М. Х. Файзи

БАСМАН

ТВОЯ СУДЬБА И РОДИНА – ЕДИНЫ

ЛЕГЕНДА О ЧИГЕНИТРЕ

Под сводами святилища горит негасимый огонь в честь Девы — покровительницы рода тавров. Отблеск пламени выхватывает из мрака ее глиняную фигурку, стоящую в нише, и суровое лицо погруженного в раздумье жреца. Ему есть о чем думать.

Там, где горы светлым мысом сбегают к морю, греки недавно устроили торг. На прибрежных камнях они разложили заморскую утварь, предлагая ее таврам за дичь и баранов. Но внезапно греческие стражники устроили облаву на людей. Им нужны были рабы.

Защищая свою свободу, погибли многие. И он, седобородый ясновидец, не смог предотвратить беду.

Тавры прежде торговали со скифами, и доверие складывалось между ними. Сын жреца Томир часто бывал у скифов и просил отца закрепить дружбу с ними. «Зачем, — возражал жрец, — горы надежнее людей».

— Горы — хороши, — говорил Томир, — чтобы видеть сверху не одних врагов.

Но жрец все же уклонился от союза со скифами. Ему, исполнителю воли богов, казалось странным их отношение к культу. Скифы могли низвергнуть привычный культ, если бы тот посмел не исполнить их желаний.

Предки тавров заведовали строго беречь знамения и образ Девы, той, что хранила целостность их рода. Над ее глиняной фигуркой в косых лучах заката мерцало изображение птицы, летящей к солнцу. Предки не случайно выбили в скале золотистый рисунок.

Нарисованное в святилище несло в себе силу живого! И жрец знал это! Разве судьба их племени не напоминала полет этой птицы? Разве тавры не поднялись к солнцу с равнины, чтобы свить свои безопасные гнезда в горах?

Да, горные отроги и отвесные пропасти до сих пор берегли их от непрошенных гостей. Тавры легко взбирались на любой уступ, ногтем большого пальца могли перерезать горло овце и звоном меча отогнать злых духов...

Отчего же тогда над кровлями селенья витает призрак непомятой беды?

У входа в святилище послышался шорох. Жрец, вздрогнув, обернулся. Перед ним, как из-под земли, выросли две тени. Это были рослый Томир с другом. Оба тяжело дышали. С расчеченных мечами панцирей свисали бронзовые нашивки.

— Что случилось, Томир?

— Мы возвращались с торгового пункта. Греческие стражники преградили нам путь. У входа в ущелье Предков они ранили трех тавров, защищавших Чигенитру. Девушка поразила их своей красотой. «Это их богиня!» — кричали они, пытаясь схватить девушку. Мы обнажили мечи, и быстроногой Чигенитре удалось скрыться. Стражники тут же разожгли костер. Они вызвали подмогу, отец. Дай нам воинов! Собери тавров, отец!

Медленно доставая из костра дымящуюся ветвь, жрец разворошил угли, и огонь, как малый вулкан, извергнул из себя снопы взвившихся искр.

— Деве не угодны эти жертвы, — сказал жрец и протянул горящий факел сыну. И тот проворной ящерицей устремился к Белой скале.

«Греки увидели в ней нашу богиню», — размышлял жрец, надевая медный панцирь. — А сами тавры? Кем для них стала эта ясноокая девушка в красной тунике и серебряном шлеме? Живым воплощением Девы? Или проворной девушкой, приносившей из леса старой матери мед, а им удачу в охоте? Быстрая как ветер, овеванная лесным духом, Чигенитра казалась его сыну птицей, слетевшей со скалы святилища.

— Кем бы ни являлась для них Чигенитра, пусть поможет ей сейчас Дева, — проговорил жрец вслух, спускаясь в ущелье.

В небе над Белой скалой уже колыхался черный дым костра тревоги, и над землей гремела набатная дробь барабана, собиравшая тавров.

Но тавры опоздали. Закаленные в сражениях опытные гоплиты опередили их и, скользнув вереницей, уже вошли в горловину ущелья. Таврам пришлось теперь пробиваться к его обрывистому склону, где между скал и кустов мелькала красная туника Чигенитры. Проворная девушка давно могла скрыться от преследователей в лесной чащобе пологого склона. Но, заметив засаду, устроенную гоплитами, она продолжала метаться по крутому косогору, пытаясь предупредить своих. Она что-то кричала, размахивала руками. Но тавры в горячке боя думали, что девушка зовет их на помощь и, попав в засаду, бились отчаянно.

Стараясь отвлечь гоплитов от Томира и его воинов, Чигенитра играла со смертью. Кольцо гонящихся за ней солдат сжималось к уступу, за которым зияла пропасть. Побросав свои тяжелые щиты, гоплиты гоготали и улюлюкали, предвкушая легкую добычу...

Девушка взбежала на последний уступ и замерла у края бездны. Остановились и преследователи. Вдруг по ущелью разнесся крик:

— Чигенитра! Доченька!

Этот крик подстегнул преследователей. Они бросились к девушке.

— Мама!

Красная фигурка отделилась от утеса, яркой птицей прочертила небо и скрылась за деревьями у подножия обрыва. А гулкое эхо еще долго носило крик матери...

Томир услышал этот крик. К нему, оглушенному во время боя, вернулось сознание. Он подождал, пока преследователи Чигенитры спустились вниз, тяжело поднялся, несколько мгновений смотрел на них, пошатываясь, а потом молниеносно, чего никак нельзя было ожидать от раненого, нанес ближайшему гоплиту удар острием меча в горло. Смертельный и почти неотразимый без щита «таврский удар». Вскрикнул и тут же упал второй грек, зажимая распоротый бок.

— Держись, Томир! — крикнул жрец и ринулся к месту, где сражался раненый сын, но опоздал. Там уже не звенели мечи, стих шум неравной схватки, греки покидали ущелье, целуя себе руки. Так благодарили они своих богов за победу.

Вокруг распостертого на земле Томира лежали поверженные им гоплиты. Жрец опустился на колени у ног сына.

— Ты был настоящим героем, мой мальчик, — шептали его губы. — Тавры будут помнить тебя долго.

Выходили из леса разгоряченные боем воины. Вели раненых, несли убитых.

— Похороните Томира вместе с ними, — сказал жрец. Он поднялся с колен тогда, когда пришли искавшие Чигенитру.

— Ее нигде нет, — сказал один из тавров. — Вот все, что осталось от нее, — он протянул жрецу серебряный шлем...

— Если она богиня — она жива! — сказал жрец. — Она останется в горах.

Томира и других павших медленно понесли к некрополю. Живые и мертвые возвращались домой.

Навстречу идущим бежал подросток. Он смешно размахивал руками и что-то невнятно кричал.

— Беда, — разобрал жрец, — там почернело море!

Жрец положил руку на плечо мальчика, и они, не оглядываясь, зашагали к обрывистому краю нагорья.

У горизонта, где морская синева сливалась с темнеющим небом, зловеще чернели силуэты военных кораблей.

«Вот он призрак непонятной беды! — мелькнуло у жреца, и мир, еще недавно казавшийся ему беспредельным, сужался. Потеряв сына, лучших воинов, Чигенитру, он опасался теперь за остальных. Как спасти племя? Этого мальчика. Что скажет Дева? — думал он, когда поднимался в святилище.

Но Дева, покровительница тавров, была безучастной. А птица, летевшая к солнцу? Та, в торжественном полете которой тавры угадали свою судьбу? Ее образ, мерцавший всегда в закатных лучах солнца, тускнел на глазах жреца и кажется слабел взмахи ее крыльев. Горькое знамение увидел в этом жрец, некогда обидевший скифов. Они предлагали давно свою дружбу. А он, седобородый провидец, отверг ее. Теперь скифы не переступят порога обиды, пока он жив.

«Да... Птицы улетают, когда люди перестают слышать их песни», — грустно подумал он.

Жрец тяжело поднялся, отстегнул от пояса меч и бросил его в огонь, снял с себя ожерелье из кабаньих клыков, предал его пламени и скрылся в глубине святилища.

День был на исходе. Люди с беспокойством ждали жреца.

Он появился у некрополя в черном плаще, готовый исполнить последний обряд. Его белую, как нетронутый солнцем снег, бороду оттеняли черные полосы на лице, груди, ногах. Черной краской прочертил он свой путь в страну Мрака.

— Черный посланец! — пронеслось в толпе.

Жрец низко, как мог, поклонился павшим, благодаря их за то, что были они на земле, и... взмахнул рукой. Заглушая плач и стоны женщин, зарокотали барабаны. Одна за другой прогремели каменные плиты, которыми тавры закрывали склепы, — ящики с павшими...

Потом в тишине раздался голос жреца.

— У наших берегов — корабли чужеземцев. Сильный враг угрожает нам. Что делать, тавры?

Люди молчали...

— Боги тоже молчат, — угрюмо молвил жрец, — значит одним нам не устоять в горах.

В толпе зашевелились: — Это последнее слово жреца? — спросил кто-то, — и все наши жертвы — зря?

— Нет! — жрец внезапно вскинул руку в сторону степи, где жили скифы. — Сын мой был прав! Союз со скифами! Вот мое последнее слово! За подтверждением этих слов я и отправляюсь к предкам, обладателям истины. У самой грани между жизнью и смертью я узнаю правду и успею крикнуть вам, если предки осудят меня.

Жрец обвел взглядом соплеменников, улыбнулся мальчику и шагнул в зияющий провал, куда уходили мудрые предки.

Стоявшие впереди приникли к земле, напрягая слух и вглядываясь в темноту каменного зева. Звука не было. Черный посланец словно растаял в бездонном мраке.

* * *

Давно погас огонь в заброшенном таврском святилище, которое зовется теперь пещерой Шанкая. Там, где когда-то было селение, вырос вековой лес. К нему с Караби-яйлы через ущелье Чигенитра ползут седые туманы.

Исчезло селение, исчез народ, оставив о себе одни догадки.

Ущелье Чигенитра. Слово, скорее всего, индоиранского происхождения и такое давнее, что не верится, как, веками хранимое, могло оно уцелеть в бурной смене разноязыких племен и народов.

Возможно Чигенитра — это переименованное имя сестры иранского бога солнца — Митры, берегущей мир от раздоров и несчастий? По чьей-то злой воле ей не удавалось сблизиться с братом, и обернувшись она птицей, летящей к Солнцу.

Вероятно, таврам, дерзнувшим подняться в горы, к Солнцу, была близка судьба гордой Чигенитры, и крылатое имя ее, победившее время, с тех пор осталось в горах.

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

В самом начале долгой Троянской войны, когда греческий флот с войском собирался отплыть в Трою, перестал дуть попутный ветер. Жрец объявил, что это богиня Артемида*, разгневанная на высокомерного царя греков Агамемнона*, требует от него самой дорогой жертвы. Чтобы войско греков смогло достичь Трои, царь должен принести в жертву свою дочь Ифигению*.

В отчаяние пришел Агамемнон. Неужели суждено ему потерять самое дорогое из всего, что он имел?

Прекрасная и величественная прошла Ифигения к жертвеннику. Заплакал мужественный Агамемнон и, чтобы не видеть страданий дочери, закрыл лицо широким плащом. Все хранили глубокое молчание. Жрец надел венки на голову девы, вынул из золотой корзины жертвенный нож и занес его над Ифигенией.

Но не упала с предсмертным стоном юная дева. Вместо нее у алтаря, обогряя его кровью, оказалась жертвенная лань.

Свершилось чудо: Артемида сжалилась над Ифигенией и перенесла ее скрытно от людей в далекую Тавриду*. Там Ифигения стала жрицей в храме богини...

Прошло много лет. Брат Ифигении Орест* вместе со своим неразлучным другом Пиладом отправился за священной статуей Артемиды в неведомую Тавриду. По воле богов он должен был вернуть ее на родину.

Но там их подстерегала большая опасность.

Местные жители — тавры — приносили всех чужеземцев в жертву Артемиде. Священнодействие совершала жрица. Она подводила пленников к алтарю и обезглавливала ударом меча.

Однажды привели к ней двух юношей-чужеземцев. Ифигения услышала греческую речь, и тоска по родине охватила жрицу. Она решила спасти хотя бы одного из пленников, чтобы тот отвез на родину ее послание брату. Орест не узнал сестру и не подозревал, кто совершает жестокий обряд. Юноши стали горячо спорить: Орест убеждал друга, что только Пилад должен вернуться в Грецию, а Пилад уговаривал друга сделать это.

Пока юноши спорили, кому умереть, Ифигения писала письмо на родину брату, которого она оставила когда-то еще младенцем. И лишь когда она протянула Оресту письмо и сказала, кому его передать, брат и сестра узнали друг друга. Горе сменилось радостью, радость — тревогой. Как спастись теперь всем троим и увезти заодно священную статую Артемиды?

И вот Ифигения объявила царю Фоану, что ей необходимо омыть в море оскверненную статую богини и двух пленников. Причем тавры не должны видеть обряд омовения. Жрице повиновались. И едва друзья спустились к морю, где за скалами был укрыт их парусник, как послушные Ифигении таврские воины оставили их. Воспользовавшись свободой, беглецы оказались на корабле и подняли паруса.

Бросились к берегу таврские воины, но было уже поздно. Сильный попутный ветер быстро уносил беглецов в открытое море, к родным берегам...

ГИКИЯ – ГЕРОИНЯ ХЕРСОНЕСА

Случилось это, когда многолюдным и цветущим Херсонесом управлял уважаемый всеми архонт Ламах. Его единственная дочь Гикия выделялась красотой и умом и любила свой город, раскинувшийся на берегу беспокойного Понта. Именно оттуда, с моря, недавно угрожал Херсонесу боспорский царь Асандр, которому не давали покоя городские богатства. Взять Херсонес силой ему не удавалось, и Асандр задумал овладеть им хитростью. Он предложил херсонеситам выдать Гикию замуж за своего сына. С согласия дочери и совета города первый архонт Ламах дал разрешение на этот брак, с условием, чтобы муж Гикии никогда не покидал Херсонеса, даже для свидания с отцом.

Гикия искренне полюбила мужа, но едва умер ее отец, как к боспорскому царевичу под видом передачи подарков стали приезжать переодетые воины Асандра. Они потом исчезали куда-то, и никто не обратил бы на это внимание, если бы не служанка. Случайно обнаружив в подвале дома вооруженных людей, она сказала об этом госпоже. Побледневшая Гикия, заподозрив неладное, просила ее не разглашать тайну. Значит, не случайно флот Асандра приблизился к городу. Эти воины — сообщники мужа, готовятся захватить город. Земля зашаталась под ее ногами. Минуты раздумий стоили дорого, и медлить было нельзя! Любовь к мужу отступила перед опасностью, грозившей городу.

Сообщив гражданам о заговоре и заперев все входы и выходы из дома, Гикия велела слугам поджечь его. Облитый горячим маслом, вспыхнул дом, где она родилась, последним костром для тех, кто посягнул на свободу и жизнь херсонеситов.

ПОХОД БРАВЛИНА

Это было давно, когда Новгород еще строился, богатство копил и силушку набирал. Шумел тогда в Новгороде торговый двор. Там гости из Сурожа дорогие ткани да пряности с Лукоморья новгородцам предлагали, и те в долгу не оставались. Снаряжали новгородские купцы богатые караваны и везли по Днепру, а потом кто морем, кто степью — до самого Сурожа, меха везли и кожу, мед и пеньку, даже живых соколов для охоты и голубей для добрых вестей.

Только вести с дороги приходили недобрые.

Половцы, что как волки в степи рыскали, на купцов нападали и добро их забирали. И уж совсем тревожный слух пронесся, будто разграбили Сурож полудикие хазары, и воссел там их наместник Тархан. Что делать купцам новгородским? Как быть людям гостиным? Одним зовом посадника да звонном вечегово колокола не обойтись. Вот и собрал новгородский князь Бравлин своих молодцев-друзинников.

— Не пора ли нам, други, плечи богатырские поразмять да путь-дорогу торговым людям на Лукоморье расчистить?

Так и порешили. Едва сошел лед на Днепре, двинулись с караваном купцов добры молодцы.

Прежде чем осадить Сурож, князь с дружиной завоевал все побережье от Корсуня до Керчи, захватив немало добра.

Десять дней продолжалась осада Сурожа, но на одиннадцатый, когда удалось взломать железные ворота, город пал и был предан грабежу. С мечом в руке Бравлин бросился к храму святой Софии, где, как он думал, скрывался Тархан. Но в храме наместника хазар не оказалось, и дружина в ярости стала грабить все, что ни попадалось под руку.

Тут-то и пронзила князя острая боль, какой не ведал он раньше. Рухнул князь перед аналоем, и раскаяние охватило его.

— Стойте! — крикнул он дружине. — Затем ли шли сюда? Доброе шли делать — не злое!

Словно в помощь ему из-за амвона раздался повелительный голос:

— Пока не вернете все — прощения не будет, — это говорит вам архиепископ Филарет — преемник святого Стефана.

Несколько дружинников бросились было из храма, но князь властно остановил их:

— Не дружина здесь ести хоробрая, а одна хлебоять! Верните храму и мое и ваше!

Исполнили дружинники волю князя. Отдали все награбленное храму, и тогда попросил князь Филарета покрестить его и тех, кто защитой русских людей станет.

Совершил Филарет крещение князя и дружинников его. Только после этого исцелен был Бравлин. И добром ознаменовал свое исцеление — отпустил всех пленных, захваченных в Крыму.

А перед тем, как уйти из Сурожа, просил князь святого Стефана стать покровителем новгородских купцов. Мало ли напастей ждет их, когда уйдет дружина.

Так закончился первый поход русских в Крым.

СОКРОВИЩЕ ГОРЫ БАСМАН

Столетия стояла крепость на горе Мангуп*. Вокруг горела земля, рушились под напором кочевников крепости соседей, а Мангуп-кале держалась. словно какая-то таинственная сила берегла ее.

Генуэзцы* удивлялись, что при одном упоминании горной крепости глаза их рабов вспыхивали надеждой. Будто оттуда, сверху ждали они избавления от неволи.

Разное говорили о горном княжестве и его жителях. Рассказывали о том, что их — потомков разноязыких племен — сроднила любовь к рождавшемуся Солнцу и опасность, грозившая их земле. Будто когда-то их предки отозвались на зов этой земли, мучимой враждою племен. Тогда погибало на ней все, что хотело вырасти. Кони топтали людей и сами гибли под копытами. Только проклятия рабов и вопли раненых слышала эта земля в отзвуках скал и пещер. И гора, окруженная горящим лесом, словно жалуясь на свою горькую судьбу Солнцу, окуталась черным дымом.

Увидели далекий дым зоркоглазые предки горцев и поспешили сюда, как спешили они всегда к попавшим в беду соплеменникам, если те зажигали костры тревоги...

Но кто звал их на помощь теперь?

В пути они отбивались от степняков, промышлявших разбоем. У самой горы их настигли воинственные роксоланы*. Только темнота спасла их. Теряя последние силы, они взобрались по кручам на гору и стали подтаскивать камни к обрыву, чтобы отбиться от преследователей.

Но камни не понадобились.

На рассвете скопившихся внизу преследователей неожиданно ослепил яркий поток света. Золотые лучи рождавшегося Солнца роксоланы приняли за огненные стрелы и в страхе усаkali прочь.

Спасенные обнаружили в расселине горы блестящий желтый камень. Он хранил еще тепло Солнца и был похож на золотую колыбель. И люди решили, что здесь, в горах, между небом и землей вполне мог родиться бог Солнца, которого они чтили.

Так солнечный камень стал их святыней, а гору, спасшую их, люди назвали Отчей. И поклялись жить и умереть здесь, что бы ни случилось.

Золотая колыбель помогла им отстоять себя. Они помогали другим племенам забыть горечь вражды. И вместе вдохнули жар жизни в горькую от слез землю.

Выходили ее, засеяв зернами Добра.

И крепость, которая гордо вознеслась над кручами Отчей горы, стала столицей княжества.

Земля вокруг горы ожила чистой родников, зеленью трав, звонкими голосами детей.

Не ведали алчные генуэзцы такой радости. Разве могли радовать отобранные у кого-то земля и свобода? Сравнительно легко захватив побережье Таврики, они надеялись, что чем богаче станут, тем скорее подчинят себе непокорных. И многим уже владели разбогатевшие иноземцы. Были у них удобные гавани, крепости, рабы. Но уверенности, что все это надежно и надолго, не было. А все потому, — полагали генуэзцы, — что не хватало им золотой колыбели.

Вот и явился генуэзский посол к князю горцев и заговорил с ним о пользе мира и согласия. Князь согласился с тем, что мир — благо для всех и что ничего дороже его быть не может.

— Тогда отдайте нам в знак мира золотую колыбель, — неожиданно заявил посол, — и мы убедимся в правоте ваших слов.

Взглянул князь на побледневших советников и промолчал. Ровно столько, сколько нужно было, чтобы подавить гнев. Да, они хотели мира, но не такой ценой!

— Зачем вам золотая колыбель? Возьмите мой меч с золотой рукояткой, лучших скакунов.

Но посол не соглашался ни на что другое. Лукавым генуэзцам нужна была не просто ценная вещь, а такая, завладев которой они лишат горцев крепости духа, а сами обретут безнаказанную власть над другими.

Только досталась бы им эта колыбель, уж они показали бы миру на что способны!

— Ради согласия мы тоже готовы отдать вам самое дорогое, — пообещал посол.

— Не похоже ли все это на детскую игру в мену? — спросил князь.

— Нет, это достаточно серьезно! — ответил посол.

Горцы многозначительно переглянулись, о чем-то посоветовались и предложили отдать им бумагу, разрешавшую генуэзцам владеть землей в Таврике.

Такое предложение смутило надменных генуэзцев.

— Возьмите что угодно, только не это.

— Но вы же осмелились требовать нашу святыню. Разве она не стоит клочка бумаги?

— Может быть и стоит, — уклончиво заметил посол, — а о цене договоримся.

— Мы не торгуем верой предков. Уходите! — решительно заявил князь.

— Не хотите добром, заберем колыбель силой!

Так вспыхнула новая война на мангупской земле.

Генуэзцам никак не удавалось взять столицу горцев. Не один штурм отразили стойкие ее защитники. Редели их ряды, но крепость держалась.

Тогда генуэзцы с помощью предателя отравили воду в колодце цитадели. Среди осажденных начались болезни. Слабея от жажды и голода, гибли дети и раненные... Матери проклинали подлых чужеземцев, а те, как ни в чем не бывало, подвозили к стенам крепости бочки с водой и кричали:

— Эй, хотите чистую воду? Забирайте все бочки за одну колыбель! Зачем вам она, когда вас не будет?

Крепость не отвечала.

Там хорошо знали цену коварным посулам. Но почему генуэзцы так торопятся? Не объявился ли у них более опасный враг, и не хотят ли они поскорее увести своих легионеров навстречу ему?

Значит, надо держаться! Но как? Люди ослабели а если не хватит у них сил, чтобы отразить еще один штурм? Святыне грозила опасность! «Не станет колыбели — не станет и нас», — говорили люди. И князь решил.

Глухой ночью несколько переодетых воинов направились с золотой колыбелью к горе Басман. Заподозрив неладное, легионеры пытались догнать горцев. Но ветер занес их следы, а солнце, как когда-то спасая их предков, ослепило врагов.

Глубокой пещере Басмана, подвластной горным духам, доверили горцы то, чем ни один враг так и не смог овладеть силой.

Долго длилась вражда не примирившихся княжеств. А крепость все держалась. Говорят, потому, что солнце еще дорожило Отчей горой и людьми, сумевшими уберечь свою святыню.

Когда орды новых захватчиков нагрянули на генуэзцев, они, теряя свои богатства, трусливо бежали с земли, которая так и не стала им родной.

Многие с тех пор искали золотую колыбель! Проникали в ущелья, в расселины скал, спускались в самые глубокие пещеры. Но напрасно.

Наверное, много доброго надо сделать этой многострадальной земле, чтобы она открыла людям свою сокровенную тайну.

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Шлюпка с ранеными торопилась к катеру и в темноте наткнулась на какую-то связку деревянных обломков. На них чудом держался человек в пропитанной кровью тельняшке.

Тут не спросишь: «Куда плывешь?» В шлюпке сами не знали, доплывут ли, не знали вообще, как еще двигалась их шлюпка, переполненная болью и ненавистью к тем, кто входил сейчас в Севастополь.

А плот этот просто болтался на воде, потому что тот, кто лежал на нем, одной рукой держался за край плота, а другой зачем-то стучал камнем по доске.

Плот зацепили куском парусины. И когда доплыли до катера, сняли и Неизвестного моряка, который непонятно как жил еще. Наверно, как и они, трижды раненные, презрением к смерти...

Поместили его рядом с другими на палубный брезент.

Лежал он, большой и бледный, отдавший Севастополю всю кровь, что билась в жилах. Лежал и не двигался. Только кисть его руки с зажатым в нем камнем выстукивала свое. Три точки, три тире, три точки. Знакомый всем морякам сигнал бедствия! Моряк все стучал и стучал, раздражая раненых.

— Чего это он? Мы же не тонем! Эй! Перестань панику пороть!

Просили его и зло, и по-хорошему, но Неизвестный моряк будто никого и не слышал. Глаза его были закрыты, напряженное лицо излучало тревогу и озабоченность. Словно в забытьи двигал он кистью своей руки. И шел звук. Час, другой, третий...

Кто-то пытался силой разжать его руку и взять камень, но не смог. Словно неземная сила сжимала его.

Раненые не раз успели поесть и попить. Незвестный моряк не пил, не ел и ни о чем не просил.

Потом подошел к нему капитан катера. Долго стоял, вглядываясь в лицо моряка, сочувственно смотрел на движение его руки, посылавшей сигнал. Кому? Зачем? «Спасите наши души!» Почему «души»? Капитан, может быть, впервые задумался над смыслом этих слов.

Как спасти своих раненых он знал. Если они благополучно минуют мины и бомбы, там, в Новороссийске их ждет полевой госпиталь. Да, этих ребят спасут и многих поставят на ноги. Но как спасти души, опаленные горечью и болью, как успокоить этого моряка, которого оторвали от Севастополя? Как успокоить всех их плывущих и бредущих сейчас неведомо куда от того места, где осталась душа каждого из них.

«Спасите наши души!» Нет, эту мольбу рождает не страх, нет! Это стучало его сердце теплившейся еще в нем надеждой.

«Спасите Севастополь! Сражайтесь до победы. Без нас! За нас!» — Вот что значил его сигнал.

— Успокойся, — говорил моряку капитан, — здесь все свои. Мы слышим тебя, браток, слышим.

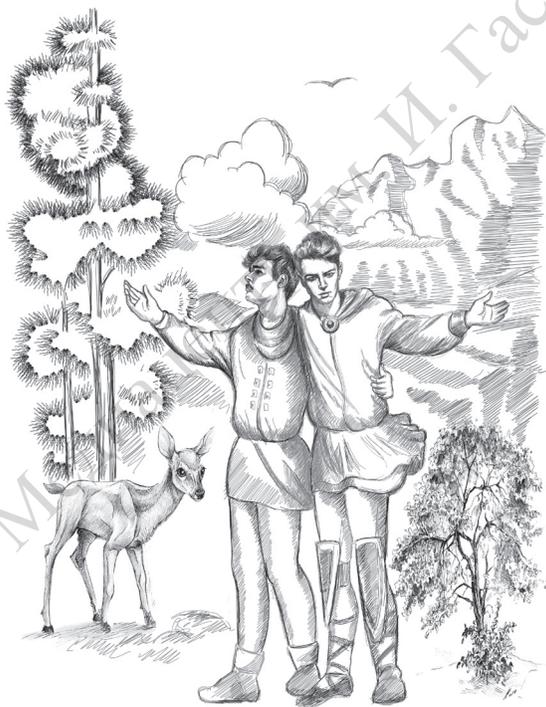
Но моряк, не внимая словам, продолжал выстукивать «SOS». Тогда капитан нашел какую-то железку и, вспомнив азбуку Морзе, несколько раз отстучал ответ: «Сигнал принят! Иду на помощь! Иду на помощь!».

Рука Незвестного моряка неожиданно остановилась, пальцы разжались, камень выпал из поникшей руки. Тут же на лице моряка отразилось что-то святое и гордо уходящее в вечность.

А камень, хранивший долго тепло и смысл его жизни, стал Заветным. Для тех, кто освобождал Севастополь.

АЙ-ПЕТРИ

ЖИВИ НЕ НА ЗЛО ВРАГУ,
А НА РАДОСТЬ ДРУГУ

О НАДПИСИ НА СТЕНЕ МАНГУПА

Как-то князь Мангупский задумал на арке ворот своей крепости вырубить надпись, прославляющую знатность и превосходство его рода.

А в ту пору к воротам крепости подъехал всадник-богатырь, закованный в железо. Он потребовал показать ему княжескую дочь, которая слывет первой красавицей Тавриды.

Князь принял гостя по-княжески: выслал стражу, приказав доставить ему голову наглеца. Но богатырь был не из робких, он раскидал княжескую челядь, спокойно направился к воротам крепости и сокрушил их.

Тогда перепуганный князь вывел навстречу чужеземцу свою единственную дочь. Увидел ее богатырь и рассмеялся:

— Верь после этого молве...

И пожелав княжне такого же невзрачного супруга, богатырь удалился.

Избавившийся от опасности князь долго смотрел вослед удалявшемуся всаднику.

Когда восстанавливали ворота и стену крепости, на одной из ее плит со стороны ущелья Табана-дере*, по велению князя, вырубили редкую в те жестокие времена надпись: «Единственным признаком превосходства людей является ДОБРОТА».

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА

Много лет прошло, как увезли в Сибирь Алима, а старокрымская гречанка, укачивая дитя, все еще поет песенку об удалце, который не знал пощады, когда нападал, но глаза его можно было сравнить с глазами лани, когда он брал на руки ребенка.

И в долгие зимние вечера, когда в трубе завывает ветер и шумит недобрый шумом бушующее море, татары любят, сидя у очага, послушать рассказ старика о последнем джигите Крыма — Алиме, которым гордились горы, потому что в нем жило безумство храброго и потому, что никогда не знали от него обиды слабый и бедняк.

Как грозы боялись люди Алима, и во всей округе только один человек искал встречи с ним. То был старый карасубазарский начальник*, о котором рассказывали, что кулак его тяжелей кантарной гири, а от острого взгляда его не укрыться даже под землей.

Семь лет подряд только о нем да об Алиме говорил Крым; семь раз за эти годы попадал Алим в руки стражей и семь раз, разбив кандалы, успевал бежать в таракташские леса, в ногайскую степь. А в горах и в степи вся татарская молодежь стояла за него, и старые хаджи, совершая намаз, призывали лишней раз имя Аллаха, чтобы он оградил Алима от неминуемой беды.

Нависла над ним черная туча, и знали об этом мудрые старики. Ибо нельзя было плясать на одной веревке двум плясунам, как говорил отузский мулла.

В тот год стояла в Крыму небывалая стужа; терпел бедняк, но было не лучше богачу, так как по дорогам шел стон от Алимова разбоя.

Алима видели в разных местах, появлялся он в местечках и городах, был даже слух, что заходил к самому карасубазарскому начальнику — предлагал ему выдать Алима.

А начальник сказал:

— Будет Алим в моих руках — сто карбованцев тебе.

Засмеялся Алим и крикнул начальнику:

— Вот был Алим в твоих руках, да не сумел ты взять его.

Прыгнул в окно и ускакал из города.

Не догнала погоня. Белый конь Алимов был о трех ноздрях, с тремя отдушинами в груди, чтобы три дня мог скакать без отдыха.

Тогда окружили стражи таракташский лес. Но Алима не нашли. Успел его вовремя предупредить отузский кефеджи*, и Алим ушел в Кизильташ. Там была пещера, где укрывались разбойники в ненастье и откуда шел ход в подземелье. А в подземелье хранились Алимова добыча и запасы. Была и другая пещера со святой водой, она исцеляла раны и удваивала силы людей.

Здесь в Кизильташе притих на время Алим. Знали об этом только отузский кефеджи да его подручный Батал. Он готов был скорее проглотить свой язык, чем выдать Алима. Любил и баловал Алим его сиротку, маленькую Шашнэ, и слал ей через отца дорогие подарки и украшения. Хвастала Шашнэ, показывая подругам новые подарки. Будет большой — весь кизильташский клад отдаст ей Алим и сам женится на ней. Услышала о том дочь грека, сказала отцу. Отец боялся Алима и не любил его, потому что когда боишься, — всегда не любишь.

И к тому же была между ними кровь: убил Алим в разбое родича грека. Чуть свет поскакал грек в город, а к вечеру в Отузы* прибыл начальник и собрал сход. Коршуном поглядел он на татар.

— Чтобы курица из деревни не вышла, чтобы голубь за околицей не парил, пока Алим не будет в моих руках.

И поняли татары, что пришел Алимун конец. Никто не спал в эту ночь. Шайтан ломал деревья в садах, стучал в двери и кидался бешеным ливнем на прохожих.

Жутко было идти стражам по кизильташской тропе. Жутью дышал лес и гулом гудел обложной дождь, сбега тысячу потоков в ущелье.

Не ждали разбойники в эту ночь никого и спали в Разбойничьей пещере вокруг догоравшего костра. Спал и Алим зыбким сном. Видел, будто забыл испить к ночи святой воды, как делал всегда, и вбегает в Святую пещеру, но в источнике вместо воды — кровь. А сверху, со скал свесились кольцами черные змеи, и одна из них, скользкая, обвила его шею узлом.

Вскрикнул Алим от боли, открыл глаза и увидел над собой громадного человека, который давил ему грудь и сжимал горло.

Выскользнул Алим, но удар по голове лишил его сознания. А когда очнулся, то лежал уже связанным вместе со всей шайкой.

— Здравствуй, Алим, был ты у меня в гостях, теперь, видишь, я к тебе пришел, — говорил над ним кто-то.

Потемнело в глазах Алима, а когда вновь пришел в себя, был день и несли его на носилках вдоль улицы. Точно вымерла деревня. Ни души. Посмотрел начальник на Алима, точно спросил что-то, и ответил Алим взглядом:

— Знаю, не будет больше джигитов в Крыму.

А к полудню у сельского правления собрались арбы, к которым были прикованы разбойники. В кандалах лежал Алим и с ним кефеджи с Баталом. Все было готово, чтобы тронуться в путь. Собралась вся деревня, вышел из правления начальник; плакала, ласкаясь к отцу, Баталова Шашнэ.

— Не плачь, — сказал начальник девочке, — скоро отец вернется, — и посмотрев на Алима, добавил: — Чуть, было, не забыл, ведь долг за мною. Помнишь, я обещал, когда Алим будет в моих руках, сто карбованцев тебе? Алим в моих руках. Деньги твои!

— Отдай их ей, — показал Алим на девочку.

Арбы медленно двинулись в путь, навсегда увозя последнего крымского джигита.

ЛИСА И ЗМЕЯ

Змея увидела с бугра, что на том берегу реки и трава гуще, и заяц в капкан попал. «Вот бы речку переплыть», — подумала Змея. А мимо Лиса бежит. Когда-то Змея спасла ее от капкана — вот и решила она попросить Лису во имя дружбы перевезти ее на тот берег. И так жалобно смотрела на Лису Змея, что та согласилась.

Длиннющая Змея была. Обвила Лису по самую шею — только лапки, чтобы плыть, оставила. Чем ближе к берегу — тем туже становились объятия Змеи.

— Ты полегче, змея, мне трудно плыть, — просила Лиса.

— Воды я боюсь, Лисонька, воды, — шипела Змея.

Когда же Лиса своими лапками по дну зашагала, услышала она сзади другое шипение. Подумала, что Змея благодарить собирается. А та жало свое выпустила и вот-вот ужалит ее. Изловчилась тут Лиса и откусила змеиную голову. Обмякло тело Змеи, сползло, но все еще извивалось на берегу кольцами. Тогда, прокусив его в изгибах, выровняла Лиса извивавшиеся кольца в одну линию и тихо сказала:

— Вот такой прямой должна быть дружба.

ОСЕЛ И МУРАВЕЙ

Крепко дружили муравей и осел. И всем делились — и горем, и радостью. И даже траву делили между собой.

А осел был жадный, очень жадный. Съел на полянке всю траву, даже муравьям для муравейника и то не оставил, и стал кричать и жаловаться на жизнь. Жалко стало его муравью, и сказал он ослу:

— Не тужи, мой друг. Вон на той полянке за деревьями много густой травы, и такая она высокая, прямо по колено...

Обрадовался осел, поспешил на ту полянку, чтобы первому успеть. Но тут же вернулся обиженный. Морду опустил, на муравья не смотрит. Наконец, сказал:

— Эх, ты, а еще друг. Говорил: по колено трава. А никакой травы там нет. А та, что есть, — губами не ущипнешь!

— Эх, друг мой, — улыбнулся муравей, — так ведь трава по колено мне, а не тебе...

МОРСКОЕ СЕРДЦЕ

Однажды в море купались два брата. Вот старший, когда искупался, к берегу тихо поплыл, а младший — от берега все дальше и дальше.

И морская волна полюбила отважного брата: взяла, обняла его крепко и тянет к себе на дно, в подводное царство морское.

Сопrotивляется он, кричит, зовет на помощь брата. А тот боится плыть. Думает: «Там глубоко, еще утону вместе с ним!»

— Ой, братец милый. Братец любимый, спасай! — последний раз вынырнул юноша, слезы роняя.

— Пускай Господь тебя спасает, — трусливо промолвил старший брат и, не взглянув на младшего, поплыл к берегу.

Рассердилась волна, погналась за трусом, догнала, унесла его в море и потопила.

Меньшего брата морская царица на дне приютила. И слезы его превратились в сверкающий жемчуг, а кудри — в кораллы.

А старшего брата рыбы и крабы всего растащили. Лишь к сердцу никто не хотел прикоснуться: таким жалким было трусливое сердце.

С тех пор появилась в море медуза. Украдкой плавает, скользкая, холодная, жгучая как крапива, и море брезгает ею: на берег бросает, и там она гибнет бесследно.

ПОЧЕМУ ГОРУ НАЗВАЛИ АЙ-ПЕТРИ

Надоело гуляке-ветру по океанам и земным весям носиться да просто так, от скуки волны гонять и деревья валить. Взял и объявил он себя Ветродуем Первым. Царем всех ветров, морских и горных, северных и южных, пришлых и домашних. И строго повелел, чтобы ему, Ветродную, все повиновались.

Ну, а царю не пристало как пастуху кочевать с горы на гору. Вот и присмотрел он высокий риф, с белыми зубчатыми башнями, что вознеслись над морем и горами. Его трудяги-кораллы, когда дно морское опускалось, для себя построили. Тут бы и править ему, и крутить ветрами и людьми в свое удовольствие. Да для этого короноваться надобно, чтобы признали все его царскую власть и новое скалистое пристанище.

Были бы планы у будущего царя, а дело всегда завертится. Тут каждому ветру работа и зимой найдется. Упругий северный ветер стал зубцы на башнях обтачивать и корону мастерить, а его лихому братцу — Трамонтане показались тесными покои будущего царя. Вот и окутал он плотной шубой облаков яйлу, а всем и в самом деле показалось, что пристанище Ветродуя увеличилось до гигантских размеров.

Но мрачной суровостью повеяло от северных ветров. «Как бы не обезлюдел теплый край...», — тревожно подумал Ветродуй. А люди-то все-таки нужны ему! И не потехи ради. А признать имя его среди других стихий. Место ему в мире обозначить и той горе, на которой ему властвовать, название дать.

Тревожился он не на шутку. Ведь людское мнение о нем и его родичах было нелестным. Мало хорошего говорили о его братьях: беспутные, мол, шальные ветрогоны. Ветренным называли самого ненадежного человека. Вот и решил Ветродуй перед своей коронацией показать, что и добрые ветры могут появляться в его владениях, с южной стороны.

Принес им ароматный запах тропиков ласковый и щедрый на поклоны Лодос. А за ним в плащах красного дождя явились Гарбий и Сирокко, рожденные в знойных пустынях Африки. Они принесли красную пыль, окрашивая ею дождевые струи. И повисли эти струи у трона еще некоронованного царя как бархатные малиновые портьеры.

А сам он, чтобы выглядеть привлекательным, надел на рассвете голубой небесный плащ, расправил седую бороду. И заструились бризами по плечам его длинные вьющиеся волосы. Ковровым разноцветьем расстелились перед зваными гостями альпийские луга.

Только сами гости почему-то не спешили. Ветрогоны доносили царю, что происходило в это время у подножия его горного трона. Там вожди приморских племен обсуждали, стоит или не стоит идти к Ветродую на поклон. Сперва склонялись, чтобы пойти, потом возмутились, вспомнив, как дикие ветры еще недавно срывали крыши с хижин, угоняли лодки в море и как, ликуя от восторга, со свистом промчалась лихая воздушная конница над их виноградниками. Вот если бы царь пообещал им... безветрие...

Ох, как не любил это слово Ветродуй!

— Ах, жалкие людишки! — возмутился он. — Не хотят, значит, поклониться новому царю и назвать моим именем гору?!

Хорошо же! Скоро они у меня свои имена позабудут!

— Но кто-то из них, вопреки всем, к тебе сегодня все-таки собирается, — сообщил главный Ветрогон.

— Кто ж этот храбрец? — спросил царь.

— Какой-то пастух Петр.

— Да как он смеет! — вскричал Ветродуй и тут увидел забравшегося на выступ скалы молодца:

— Я — царь всех ветров, а ты кто?

— Человек, — спокойно ответил Петр.

— А знаешь ли ты силищу мою, человек?

— Знаю, — ответил Петр. — Деревья валить, да дома рушить. Пустая у тебя работа, Ветродууй.

— Уу..., — тягуче завыл царь, сдерживая гнев... — Сокрушу... Смету!

И задул изо всех сил. Но Петр не свалился с обрыва, а успел выхватить из-за пазухи высушенный бычий пузырь. Ветер дул вовсю, а Петр, ловко управляя надувшимся пузырем, пролетел над скалами. Все пуще ярился ветер, а смельчак держался да еще поддразнивал царя:

— А ну поддай-ка, Ветродууй!

Тогда царь назло перестал дуть, чтобы Петр упал и разбился. А Петр взял и опустился в море на плавучее бревно. Ветер тут же обрушил на него грозные волны. Но Петр и тут не растерялся. Вскинул над головой бычий пузырь и будто под парусами поплыл к берегу.

Поняли люди, наблюдавшие за отчаянным поединком, что, оказывается, и на ветер можно найти управу.

Начали рыбаки строить лодки и ставить на них легкие паруса. На суше появились крылатые ветряные мельницы. Перестали люди бояться ветра, стал он их помощником в трудной борьбе за жизнь. И за то, что он, Петр, надоумил людей на все это, люди решили назвать гору его именем.

Узнал об этом Ветродууй и явился к оракулу Судьбы с обидой на людей, отметивших вниманием какого-то Петра. Оракул Судьбы вспомнил слова, которые прозвучали во время единоборства Ветродуя с Петром. «Избавлю, спасу», — говорил Петр. А вот твои слова, Ветродууй: «Заставлю! Снесу!».

— Суди сам, к чьему имени после услышанного пожелают люди добавить слово «святой». К твоему, или к имени Петра?

Но утешься! У тебя еще много недоступных человеку сил. И нескоро еще доберутся люди до такого необузданного дикаря, как ты. Так что царствуй спокойно!

С тех пор гору, возвышающуюся над Ялтой своей исплинской короной, люди называют Ай-Петри. Но остается она по-прежнему обителью добрых и злых ветров.

ДЕМЕРДЖИ

«ЛИШЬ ТОТ ДОСТОИН ЖИЗНИ И СВОБОДЫ,
КТО КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВЕДЕТ БОРЬБУ ЗА НИХ!»

И. Гёте

ЗАГАДОЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

Внебольшой греческой деревушке Массандра*, неподалеку от Никиты*, некогда жили семь братьев и их сестра Мария. Они рано осиротели, сами вели хозяйство, жили дружно и во всем подчинялись старшему брату Константину. Они боготворили свою сестру, которая в шестнадцать лет превратилась в настоящую красавицу. В ней все было хорошо. Гибкий стан, пышные золотистые волосы, заплетенные в косу, и улыбка, озарявшая того, с кем разговаривала Мария. Что и говорить! Братья не чаяли в ней души, старики находили в ней образец скромности, а юноши тайно вздыхали о той, которая никому не оказывала предпочтения.

Но вскоре спокойная жизнь Марии и ее братьев была нарушена. Однажды девушка пошла к источнику за водой. Наполнив кувшин, она направилась к дому, как вдруг услышала позади себя конский топот. Оглянувшись, Мария увидела всадника, богато одетого турка, который попросил у нее напиток. Подав ему кувшин, Мария почувствовала на себе тяжелый взгляд. Сердце ее сжалось от тревожного предчувствия. Утолив жажду, турок направился вслед за Марией к дому, где был радушно принят братьями. Каково же было удивление Константина, когда на другой день гость объявил, что он турецкий паша* и намерен отправить Марию в Стамбул в гарем* султана.

— А если ни Мария, ни ее братья не хотят этого? — спросил Константин.

— Воля султана непререкаема!

— Но мы не в Турции, — возразил Константин.

— Султан оказывает вам честь! Он вознаградит! Товар заслуживает этого! Пусть собирается будущая жена султана!

Слова паши хлестали Константина, как бичи. Он слушал молча, но внутри уже все клокотало. А когда паша потянулся к Марии, чтобы увести ее, Константин, не помня себя от гнева, ударил его кинжалом.

Узнав об убийстве паши, турки направили в селение большой отряд, чтобы схватить виновных. Но село обезлюдело. Жители ушли в лес, а братья с друзьями скрылись в развалинах старой крепости. Марию же спрятали в нише крепостной стены.

Какой-то негодяй выдал их убежище туркам.

Крепостной вал некоторое время помогал братьям сдерживать натиск янычар. Окружив развалины, турки предлагали братьям сдаться. Обещали отпустить живыми, если выдадут девушку. В ответ с крепостной стены полетели камни. Братья решили защищать сестру и свою жизнь до конца. Обнажив сабли, осажденные ждали врага и, едва янычары кинулись на приступ, братья стали отчаянно отбиваться. И вот уже один из них, взмахнув руками, замертво упал на камни, а над другим занес свою кривую саблю громадный янычар*. Но подоспевший на выручку самый младший брат бросился на турка, и вот уже оба покатались в ров...

Мария видела все это, видела, как погиб последний брат. Обливаясь слезами, посылая проклятия туркам, она взобралась на скалу...

Враги застыли в изумлении. Красивая в гневном обличии была рядом. Ее никто не защищал! И янычары уже подползали к ней:

— Глупая! Зачем тебе честь — тебя ждет сладкая жизнь, ты не пожалеешь, красавица!

Но измененные слова эти Мария не слышала. Душа ее пылала гневом.

Едва руки говорившего коснулись ее одежды, она оттолкнула его и бросилась со скалы, туда, где лежали ее братья.

Прошли годы и на скале, у которой это случилось, появилась надпись, которую долго и безуспешно пытались разгадать потомки.

Спросили бы людей, в памяти которых, как письменна на скале, сохранился подвиг семи братьев и их сестры, которым свобода и честь стали дороже жизни.

ДЖАНЫКЕ ИЗ КЫРК-ОРА

Крепкие стены Кырк-ора, ох какие крепкие! Если вот так руки разведешь, стену все равно не обнимешь. Толстые стены — крепкая крепость, говорил Тохтамыш-хан. Тот, что за стеной жил. Он никогда не кричал, Тохтамыш-хан, но люди даже шепота его боялись. И в глаза ему страшно было смотреть. Зрачки у него поперек глаз стояли — таких глаз у человека не бывает.

Богат Тохтамыш-хан. Если откроешь сундуки его кованые, подумаешь, солнце там спрятали. Посмотришь и ослепнешь. Но это не солнце, а ткани, золотом шитые, богатые одежды с камнями драгоценными.

Всего много у Тохтамыша. Но главное его сокровище — Джаныке. И вправду, она была джаныке — душевная, ласковая, как ребенок. Сама тоненькая, как веточка, а сердце у нее большое, доброе.

Пришла однажды беда на Тохтамыша. Крепость окружили враги, много их было. Когда-то Тохтамыш на них ходил, — теперь они пришли. Они били в даул*, кричали:

— Открывай ворота, Тохтамыш! Вода у нас, за стеной. Без воды как жить будешь?

Не открывал ворота Тохтамыш, но и своих людей не жалел. Всю воду из последнего колодца для себя выкачал, а старых и малых заставлял камни на врага кидать.

— Если у меня камней не хватит, я врага вашими головами забросаю.

И стало тихо в крепости Кырк-ор. Раньше всех умирали маленькие дети. Пить просили. А у матерей из груди не только молока — крови не выдавишь. Не могли это вынести

матери. Стали потихоньку к тому месту за стеной, где родник был, подкоп рыть. Ночами расшатывали камни, соскребали землю руками, чтобы не слышно было... И, кто знает, кого они больше боялись тогда — хана или врагов его? Одна мысль была — напоить.

Толстые стены в Кырк-оре, ох какие толстые, а матери руками своими нору сквозь них прорыли. Только такую узкую, что даже пастушонок Али не пролез. И тогда люди вспомнили о Джаныке. Тонкой, как веточка, тоньше не бывает. Только она смогла бы проникнуть в эту нору, если уговорить ее.

Пробрался к Джаныке пастушонок Али.

— Не бойся, выслушай меня, Джаныке, я не смотрю на тебя. Не оскорбят мои глаза девушку. Люди говорят, что ты никого не обидела, что наша ты, а не дочь Тохтамыша, тогда знай — не враг нас убьет — высохнем мы без воды, и кончится род наш. Люди говорят: «Джаныке поможет». Там близко от стены вода поет. Только ты сможешь ее услышать за стеной. Поверни ее к нам в канавку до рассвета... до рассвета, Джаныке.

— Что ты, мальчик, — отвечала Джаныке, — все от меня отвернутся, даже Аллах — разве я смею идти с тобой? Нам нельзя на мужчин смотреть. Ты сам потом пальцем на меня показывать будешь.*

— Не буду, Джаныке, не бойся, слово мужчины!

— Подожди, — сказала она, заметив пересохшие губы мальчика, — я принесу тебе воды.

— Не надо! Пойдем туда! Там дети просят пить, кричат они, Джаныке!

Еще было темно. Джаныке пошла с мальчиком к стене. Закрыла свое сердце от страха и пошла.

Только под самое утро сумела добраться она к роднику. Скребла камнем, расширяя нору, торопилась из последних сил.

А когда первый луч солнца скользнул по воде, что осторожной змейкой пробиралась к стене, Джаныке и сама не поверила, как могла сделать это! От радости выпрямилась, взглянула на

небо, которое было удивительно красиво здесь, за стеной, и даже не услышала свист стрелы, пущенной кем-то из врагов.

Маленькой была Джаныке, а сердце у нее большое было, открытое. Легко в такое попасть. Девушка, не почувствовав боли, опустилась в траву. Такая же чистая и тоненькая, как ручеек, которому она дала жизнь.

Люди за стеной услышали тихую песнь воды.

— Смотрите, вода! — удивились взрослые и дети. — Вода! — И, прильнув к ручейку сухими губами, повторяли это слово, не веря еще тому, что жизнь возвращалась к ним.

На могиле «Прекраснейшей из роз райских садов» Тохтамыш-хан возвел мавзолей. А в памяти народной она навсегда осталась душевной и доброй Джаныке, пожертвовавшей собой для спасения людей.

КУТУЗОВСКИЙ ФОНТАН

Когда в Крыму всем жилось хорошо, на другом берегу моря часто замышлялось недоброе.

Вот и в тот раз по воле падишаха у крымских берегов явился со своей эскадрой сераскир Гаджи-Али-бей. Словно саранча налетели вооруженные турки на крымский берег. Окруженный ими, в развалинах Алуштинской крепости, защищался малочисленный русский гарнизон. Бились до конца отважные егеря, задержав на день турецкую лавину.

А тем временем к Чатыр-Дагу, куда подошли янычары, через дремучий лес и буреломы спешили русские гренадеры. Вел их крутыми тропами молодой и отважный командир Михаил Илларионович Кутузов.

Не такие перевалы приходилось брать бывалым солдатам, а вот красоту такую впервые увидели. Как в сказке открылись перед ними одетые дымкой вершины, синее море, диковинные деревья, и удивились солдаты, что по такой-то красоте из пушек бьют. А турки палили так, что дрожали горы, горел лес и срезанные ядрами медленно валялись на землю сосны-красавицы.

«Земля-то, видно, чужая им», — думали солдаты, а кто-то из них возьми и скажи:

— Нечего, братцы, глазеть, пора за турок браться.

Услышал это Кутузов, улыбнулся и предложил свой план. Надо заманить врагов к лесу, где с флангов нападут на них удалыцы-гренадеры. Сам Кутузов, едва завиднеет, двинется широко навстречу Гаджи-Али-бею по всей форме и со знаменем в руках. «Господь не выдаст, а враг не съест», любил повторять Кутузов.

И вышло так, как он думал. Не подвел русских солдат лес-батюшка. Попались янычары в ловушку. Скрестились у леса русские клинки с кривыми турецкими саблями. И все бы удачно было, да шальная пуля ранила Кутузова. Упал он, потеряв сознание. Подхватили солдаты своего командира, перенесли к роднику, чтобы промыть его рану. Угодила пуля в левый висок, а вылетела из правого глаза. Чуда такого никто не ожидал, что останется жив их командир. Но едва промыли рану водой из родника и дали попить ее раненому, как поднялся Кутузов живехонький и неожиданно для турок повел в бой воспрянувших духом солдат. И таким стремительным был их натиск, что турки не выдержали и побежали. Немногим из них удалось тогда достичь берега и спастись на кораблях.

А солдаты взяли в руки вместо оружия лопаты, топоры и кирки, чтобы через дремучий лес проложить дорогу к южному берегу Крыма. А на том месте, где ранили Кутузова, они соорудили фонтан из родника, который спас их любимого командира.

ПРЕКРАСНАЯ ФЕОДОРА

Когда эта земля не была еще захвачена генуэзцами, ею правила прекрасная Феодора. Смолоду пришлось царице защищать независимость своей земли, и сама она стала гордой и неприступной.

Многие женихи желали назвать ее своей женой. Одни предлагали ей богатство, другие — славу, добытую в боях. Но кто бы ни просил ее руки, получал отказ. Даже братья-близнецы, сыновья знатного полководца, с которыми она вместе выросла. Они любили ее. Но каждый по-своему. Добрый Константин добивался ее благосклонности дружбой, а коварный Иракий — обманом. Он даже замыслил взять Феодору в жены как добычу, после захвата крепости врагами. Но не помогло ему и предательство. Когда с его помощью генуэзцы овладели Сугдеей*, Феодора там не оказалось. Вместе с отрядом защитников и Константином бежала она в Алустон*.

Спасаясь от преследователей, возглавляемых Иракием, беглецы укрылись в старой крепости на обрывистой, почти неприступной Кагель-горе*. Генуэзцам не удавалось взять крепость штурмом, и Иракий проник в нее обманным путем.

Он выдал себя за брата и вошел в крепость. Потом, предательски убив Константина, открыл ворота врагам. Тут же завязалась схватка. На шум выбежала Феодора, кинулась к Иракию, и, приняв его за брата, с тревогой спросила:

— Что происходит?

— Не бойся врагов, Феодора! — закричал Иракий. — Я спасу тебя!

Узнав изменника, она ринулась в гущу битвы. Отчаянно держалась горстка защитников крепости. Но слишком неравны были силы, и падали воины один за другим.

— Уходите! — кричала им Феодора. — Я выйду к врагам — вы останетесь живы!

— Нет! Отстоим тебя или погибнем! — отвечали воины, закрывая собой Феодору.

— Сдавайся! — кричали враги. — Мы сохраним тебе жизнь!

Феодора увидела среди них предателя, и гневно засверкали ее глаза.

— Сразите предателя, если вы настоящие воины, и я отвечу вам!

Пал сраженный предатель, а генуэзцы замерли в ожидании ответа. И они услышали его.

— Я жила ради Сугдеи, но она пала...

Гордая царица решительно поднялась на башню, и бросилась в пропасть.

До сих пор на склонах Кастели, среди редкой лесной зелени заметны багряные полосы, будто потоки крови, стекающие с гор.

Уже давно не осталось руин от стоявшей когда-то на вершине крепости. Но, видно, гора сама природной силой своей сохранила яркий след тех, кто, не щадя жизни, защищал здесь свою свободу и независимость.

ОПАСНЫЙ КУЗНЕЦ

Каждый, кому приходилось ехать на Южный берег через Ангарский перевал, видел гору, носившую когда-то греческое имя Фуна — Дымящаяся. На склонах ее среди осколков скал выделяются причудливые изваяния из камня. Разное рассказывают о них. Вот одна из легенд.

Как-то на вершине горы поселился незнакомец. Был он могуч, широкогруд, с длинной черной бородой и большими красивыми глазами. Смотришь в них — оторваться трудно, а на душе — страшно. Говорили люди, что он владел таинственной силой и знался с самим дьяволом, что он демерджи* — кузнец. Слышались иногда с горы как будто удары молота, а на закате видели даже отблески пламени и вьющийся над вершиной дымок.

Однажды дрогнула гора, и мелкие камни посыпались на виноградники. Встревожило это людей. Пока не было чужеземца, все жили спокойно.

— Уходи, откуда пришел, — говорили Чернобородому.

— Мне и здесь хорошо, никуда я не уйду, — твердил он.

И по-прежнему доносились откуда-то сверху глухие удары. А если приникнуть к земле, то шел изнутри нее шум...

Как-то старый Христофор, собиравший хворост у Айхе-кая*, встретил кузнеца. Тот вез куда-то поклажу из сабель, щитов и копий.

— Лучше бы мотыги нам сделал, — упрекнул его Христофор.

— Прочь с дороги, глупец, — крикнул Чернобородый и зло оттолкнул старика. Тогда и задрожала гора, предвещая беду. И она скоро случилась. С красавицей-гречанкой, что собирала орехи в лесу у горы. Увидела Мария Чернобородого, хотела бежать, но ласковый голос остановил ее:

— Не бойся, красавица, я тебе плохого не сделаю.

Увлёк её кузнец, заворожил глазами так, что пошла Мария за ним. И больше её не видели.

А вскоре перестали журчать в селе фонтаны и пересохли ручьи, сбегавшие в горячую траву лета... Поняли люди, что измывается над ними Чернобородый, и стали молиться в храме, просили избавить их от зловещего кузнеца.

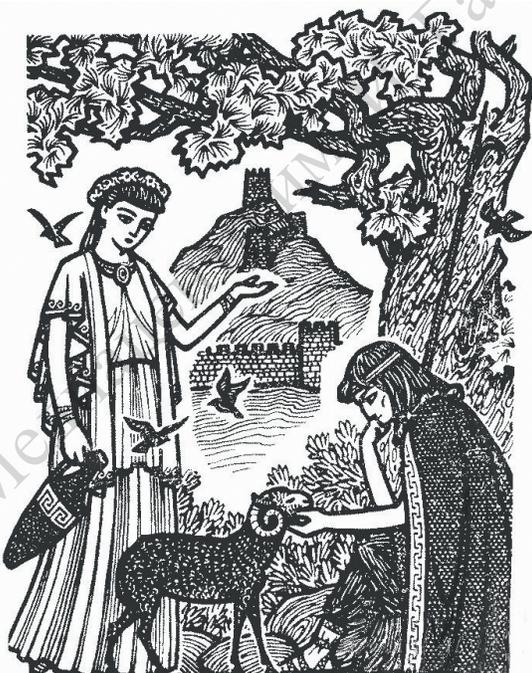
И тогда потрясло гору до основания. Задышала она огнем, посыпались огромные глыбы. И, кажется, страх людей навсегда окаменел в скатившихся изваяниях из камня. Так обрела гора имя кузнеца, обращенного тогда в камень.

ЧАТЫР-ДАГ

«ЧТО ТЫ СПРЯТАЛ – ТО ПОТЕРЯНО,
ЧТО ТЫ ОТДАЛ – ТО ТВОЁ»

Ш. Руставели

СЕМЬ КОЛОДЕЗЕЙ

Кем и когда были вырыты в степи семь колодезей — люди не помнят. Рассказывают только, как ушла из них вода.

Семь колодезей уже были, когда приобрел эту землю старый немец. Росло у него шестеро сыновей. Пересчитал немец колодцы и говорит:

— Знать, счастливое число семь. Нужно мне еще одного сына. Родился у немца седьмой сын, названный Фрицем.

Был в этой безводной местности такой обычай, что хозяин колодцев давал людям воду бесплатно. Давал после того, как наполнит свои водоемы, напоит огороды, бахчи. Но все-таки не отказывал в воде, ибо в ней была жизнь.

Старый немец не нарушал этот обычай, и хозяйство его процветало. По вечерам сидел он вблизи колодцев, считал барыши, курил трубку и наблюдал, как играет Фриц. И уже тогда говорил:

— Из этого парня будет толк.

И маленький Фриц скакал верхом на палочке и, между прочим, уже умел замечать каждую пролитую каплю воды. Он бурчал:

— Плескают всюду воду... Плескают всюду воду...

Подросток Фриц и стал упрекать отца — зачем он раздает драгоценную влагу бесплатно, когда за нее можно брать деньги, сколько хочешь денег. Старый немец смотрел на него и говорил:

— Из этого парня должен быть толк, — но говорил уже не так радостно, как раньше.

Однако молодого Фрица он не слушал и всю воду, что оставалась в колодце, по-прежнему отдавал.

Прошли годы. Сгорбился старик, а Фриц вырос в здорового парня, такого сильного, что все боялись его. Побаивался даже отец.

Случилась беда в семье старого немца: один за другим умерли все шесть сыновей, и остался один Фриц. Готов был все сделать для него отец, но только в одном не хотел уступать: не позволял закрывать для народа колодцы.

— Вода держит возле нас людей. А в людях — основа нашего богатства. Пока я жив — так будет, а умру, поступай, как знаешь, — говорил он Фрицу.

— Основа богатства — в деньгах, — твердил Фриц, удивляясь неразумству отца.

Умер старый немец. Фриц похоронил отца и первым делом запер все семь колодцев на замок.

— Кому нужна вода — пусть платит, — объявил он.

Поднялся в народе ропот. Ведь никогда такого не было. Но что сделаешь! Несли свои гроши за каждую кружку воды, несли, но роптали все сильнее. Услыхал об этом Фриц, стали холодными, как болотная гниль, его глаза, и не велел он давать воду даже за деньги.

— Пусть подохнут, раз меня так ругают.

А вода — это жизнь. Что делать, как жить без воды?

Пришли люди к Фрицу, слезно просили его смиростивиться. Не кланялся ему только один мужичок, бывший солдат, с медалями на груди. Не кланялся и ругал Фрица, как последнего человека на земле.

Слушал всех Фриц и сказал:

— Ладно, воду получите. Но не все. Вот тому, что ругает меня, — ни капли не дам.

Схватил того мужика и швырнул за ворота. Упал мужичок, и грудь себе отбил. Целый день мучился и к вечеру помирать стал. Пересохло горло, внутри все жжет.

— Испить бы! — просит он, но воды нельзя было нигде достать: чтобы доконать мужика, Фриц велел запереть колодцы на семь замков, а ключи спрятал.

Потянулся перед зарей мужичок, посмотрел в последний раз на белый свет, сказал какое-то слово и умер. Утром Фриц велел открыть колодцы и принести ему воды. Шарили, шарили в колодцах, а воды в них ни капли не осталось — вся ушла.

И с тех пор многие годы не было ее в семи колодезях.

Ушел от тех мест Фриц, бежал в страхе, а народ остался. Развеялась с годами память о жадном человеконенавистнике — появилась вода в семи колодезях — холодная, сладкая, чистая. Но об этом пусть расскажут другие.

О СЕМИ КОЛОДЕЗЯХ

Жили когда-то в безводной керченской степи три чабана — отец и два сына. Люди с Ойсула, что проезжали мимо, говорили и это много. Разве без воды можно жить?

Рано, поздно ли, а задумались об этом и чабаны, когда все запасы воды, привезенные с Ойсула, кончались. Что делать? На север пойдешь — море, на юг — тоже. Везде вода. Но попробуй напиться ею — пить не станешь: соленая, горькая она.

— Здесь не было бы жизни, не росла бы трава, — задумчиво проговорил отец, — если бы под нами не текла вода. — Прижался отец к земле, прислушался и сказал сыновьям:

— Течет здесь вода, как кровь в живом теле. А чтобы увидеть ее, надо вырыть колодец.

— Что ты, отец, выдумываешь, — удивились сыновья. — Если бы тут была вода, она сама бы нашла выход.

— Не все само делается, — ответил отец. — Беритесь-ка за лопаты, будем копать здесь!

Чабаны сняли круг высохшего дерна и начали копать. Ни пылающее солнце, ни жгучая жажда не остановили их. Гора вырытого грунта росла, отверстие в земле становилось все глубже.

К следующему вечеру они углубились почти в два человеческих роста, но воды не было. Не было ее и на третий вечер, и на пятый, и на седьмой...

— Ты, отец, плохое развлечение для нас выдумал, — начали роптать сыновья, — от работы пить еще больше хочется, а воды нет.

— Мы найдем воду, дети, — сказал уставшим голосом отец. Несмотря на преклонные годы, он работал наравне с сыновьями.

Чабаны стали рыть второй колодец. Но и там они не докопались до воды. За вторым появился третий колодец, потом четвертый, пятый, шестой. И ни в одном из них не было воды.

Роя седьмой колодец, отец и сыновья были так измучены, что даже не разговаривали друг с другом, а молча долбили сухую землю. Вечером они падали на комья земли, будто мертвые. И только утренняя роса освежала их, они снова брались за лопаты.

В ту ночь отец уже не в силах был вылезти из колодца, откуда он подавал грунт наверх, и остался в нем ночевать. Уснул старик, и приснилась ему вода. Чистая, прохладная, она наполнила доверху все семь колодезей и разлилась по степи шумливыми ручьями. И сыновья, обливая друг друга водой, радовалась:

— А прав был наш отец!

Проснулся ночью старик, пошарил вокруг себя рукой, лицо его посветлело: земля была мокрая. «Близко вода! Считается уже, — подумал старик. — Теперь и отдохнуть можно».

И чабан уснул.

Утром один из сыновей опустил в колодец ведро, чтобы отец наполнил его грунтом. Но ведро почему-то не ударилось о твердое дно, а плюхнулось обо что-то упругое. Заглянул юноша в колодец и увидел в глубине его небо.

— Вода!!! — что есть мочи закричал он.

Прибежал его брат, тоже заглянул в колодец и тоже закричал на всю степь:

— Вода!!!

Бросились братья ко второму колодцу, к третьему, к четвертому — в них тоже была вода! Что за чудо? Все семь колодезей были наполнены чистой питьевой водой. И показалось молодым чабанам, что все вокруг ожило, повеселело. И солнце перестало так жечь, и небо стало другим: веселым и добрым, и овцы радостно блеяли, сгрудившись у воды.

Напоили они отару, сами напились, а потом вдруг спохватились:

— А где же отец?

Они ходили по степи и посвежевшими сильными голосами звали отца. А отца уже не было.

Так и не узнали, куда девался старый чабан. Говорили, будто он превратился в живительный родник, чтобы наполнить чистой водой все семь колодезей.

А так ли это? Только степь знает...

ДЛИННАЯ КРЕПОСТЬ

Вот послушайте, что произошло в керченской степи много лет тому назад. Проходил через мыс Казантип* русский путник, шел он из Великой Руси в Индию и у Длинной крепости встретил Золотого Слона. Так прозвали люди купца с непомерно толстыми ногами, двойным подбородком и длинным носом. Сундуки его были набиты золотом, а крепость, где он жил, — пшеницей, скупленной почти даром у хлебопашцев.

— Правду ли говорят, что ты чужой бедой сыт, — обратился к купцу путник, — что твоя крепость не одной пшеницей наполнена, но и потом и слезами людскими?

— Молва, что волна, — отвечал Золотой Слон. — Ты, странник, спроси: обидел ли я кого? Отнял что-либо силой? Они сами несут мне зерно...

— Но зачем тебе столько?

— На то я и купец... Хорошо — худо не живет...

— А башни с бойницами тебе зачем? А стены высокие и ворота кованые?

— Люблю спать спокойно...

— Но все это не спасет тебя, худое — худым и кончится.

Скупой богач станет беднее нищего.

Наступил год, которого с нетерпением ждал Золотой Слон. В выгоревшей степи — ни одной копны пшеницы, ни одного стога сена, улетали птицы, зловеще крича, убегали звери, ревели коровы, люди еще надеялись на Золотого Слона.

— Он не даст нам погибнуть с голоду, — ведь прибыль ему живые люди дают!

И давали ему прибыль живые. Приезжие из города с проклятиями платили бешеные деньги за пуд пшеницы. А бедные хлебопашцы, у которых он совсем недавно выменивал за пучок вяленой рыбы мешок пшеницы, умоляли богача дать им в долг хотя бы по пуду зерна, обещая вернуть в несколько раз больше... Но Слон был неумолим:

— Дать пшеницу в долг, а порукой будет — волк? Давайте деньги!

Но денег у людей уже не было. Не было хлеба. Изможденные люди падали от голода здесь же у Длинной Крепости, за стенами которой лежало столько хлеба, что его хватило бы прокормить весь Крым.

К тому времени тем же путем, через Крым, возвращался домой знакомый нам путник. Увидев у Длинной Крепости толпы людей, просящих хлеб, он стал вразумлять:

— Люди! Кого вы просите, умоляете? Вы разве не знаете Золотого Слона? Не даст он вам хлеба! Не для того обирал он вас! Ваш это хлеб! Выращенный вами! Пока есть силы у вас — отберите его! Не бойтесь! Вас — много, а он — один!

И хлынули на Длинную Крепость толпы голодных. Не выдержали кованые ворота. Рухнули. Разбежалась стража, а Золотой Слон хотел спрятаться от народной мести, зарылся с головой в пшеницу, да там и задохнулся.

На том месте, где стояла Длинная Крепость, остались только развалины — следы алчности человеческой, наказанной народом.

НАСЛЕДСТВО НЫСЫМАКАЯ

Давным-давно в Карасубазаре — нынешнем Белогорске — жил старый крымчак-ювелир, Куюмджи Нысымакай. Дедушка Нысым. После смерти жены решил он оставить ремесло, передать мастерскую и нажитое добро трем взрослым сыновьям, а самому заняться воспитанием внуков. Как задумал — так и сделал.

Вскоре, когда он гостил у старшего сына, стал дедушка Нысым замечать на себе недовольные взгляды сына и невестки. А через несколько дней старший сын спросил его, не хочет ли он погостить у среднего. И хотя внучата горько плакали и не хотели отпускать дедушку, собрал Нысымакай свою котомку и пошел к среднему сыну. Недолго пробыл он в семье своего среднего, ушел к младшему. Но и тот скоро заметил отцу, что загостился он у них. Ничего не ответил Нысымакай. Сердцу его от горькой досады больно было. Собрал он котомку и пошел, куда глаза глядят.

Идет по Карасубазару старик Нысымакай, слезы текут по морщинистым щекам. А навстречу — красавица Гулюш. Недаром имя «Гулюш» означает «улыбка»: от улыбки и красоты ее самый черный день становился светлее.

— Здравствуй, дедушка Нысым! — словно колокольчик зазвенел голос Гулюш.

Конечно, заметила она слезы на лице старика, сразу все поняла, но не подала виду:

— Дедушка Нысым! Идемте ко мне на чебуреки!

Взяла она старика за руку и повела к себе в дом. Усадила гостя на почетное место, налила ему вкусной похлебки из черной фасоли — шорва, поставила блюдо с золотистыми чебуреками. Когда поел Нысымакай, на низеньком столике — софра — появились виноград и фрукты, Гулюш стала расспрашивать его о внуках. Очень любил Нысымакай своих внуков и долго рассказывал Гулюш об их проделках и шалостях. Но вот разговор зашел о сыновьях и поведал Нысымакай невеселую историю. Выслушав его, Гулюш задумалась, а когда в небе появились первые звездочки, и серебряный месяц повис над горой Ак-кая, она дала ему мудрый совет...

Утром зашел Нысымакай в молитвенный дом к главному священнику — ребе, поставил у его ног резной сундук и сказал:

— О мудрый ребе! Ты знаешь, был я хорошим ювелиром, и вот теперь хочу завещать свое сокровище тому, кто досмотрит меня. Пусть оно хранится в храме до моей смерти.

Весть о сокровище и завещании Нысымакай быстро докатилась до его сыновей. Наперебой стали обращаться к отцу с просьбой пожить в их домах, каялись в своей черствости и опрометчивости. Простил их старик и пошел жить сначала к старшему сыну, пожил у него в почете и уважении. Через год откликнулся на уговоры среднего и пошел к нему, а затем внял просьбе младшего. Еще много лет доживал свой век Нысымакай, окруженный заботами своих близких, на радость внукам. Но вот пришел тот день, когда он навсегда закрыл глаза.

Побежали сыновья и их жены к старому ребе, чтобы получить обещанное в наследство сокровище. Каждый доказывал, что он лучше других берег и досматривал отца. Принес ребе ларец и сказал, что считает справедливым поделить сокровище между сыновьями поровну.

Отомкнул замок на сундуке ребе, откинул крышку. Ребе взял его, развернул его и прочитал написанное старым Насымакаем: «Я завещаю вам, сыновья мои, самое большое сокровище — мудрость. Воспитывайте детей так, чтобы в старости не бояться за свои последние дни».

АКЧАЧИК, ДЕНЬГИ И ЛЮБОВЬ

Было, было — не знаю. Но такая легенда Крыма есть. Не знаю, в нашей деревне или в другой, никто мне не сказал. Было так:

Денежка жила, Акчачик, маленькая, зеленая, некрасивая. Ее все и всегда ругали. И тот, кто продавал, ругался, проклинал, и тот, кто покупал, еще больше ругался и проклинал.

— Ух ты, проклятая, — говорил тот, кто продавал последний свой хлеб для того, чтобы заплатить денежку бею, — из-за тебя столько слез, зеленая вон ты, хоть бы ты совсем сквозь землю провалилась. Ты зеленая от наших слез. И не стыдно тебе людям в глаза смотреть, фу, какая ты противная, ты даже пахнешь нехорошо. Это от того, что тебя держат жадные руки. У меня ты не долго пролежишь, к бею в карман пойдешь. Ну, и лежи там. Хоть бы тебя совсем не было никогда!

Бей ее тоже ругал. Этой денежки у него было очень много, и он уставал считать их. Говорил, что от этого руки у него красные.

— Эх, хоть бы тебя никогда не было, — говорил бей.

Денежка плакала, от этого она становилась еще больше зеленой. Денежке было очень больно,

— За что меня ругают, — жаловалась она, — хоть бы я в самом деле сквозь землю провалилась. Однажды увидела денежка на базаре старичка.

— Слушай, дедушка, — сказала она старичку, — возьми меня к себе, я у тебя буду жить, я тебя ничем не обижу, буду всегда с тобой. А захочешь, ты меня в карман положи. Я там буду тихонько лежать. Ты один, тебе ничего не нужно, ни покупать, ни продавать. Ты меня спрячь, а я тебе чем-нибудь отслужу.

— Хорошо, — сказал дед. Взял денежку, положил ее глубоко в карман, где больше ничего не было.

Иногда денежка просила дедушку:

— Слушай,пусти меня по двору немного побегать. Что это я все время в кармане лежу, мне на солнышко хочется посмотреть. Я от тебя никуда не уйду.

— Хорошо, — говорил дед и пускал ее во двор.

И бегала во дворе денежка, и от того, что ее никто не ругал, от того, что она была в руках хорошего старичка, чье сердце никогда не покрывалось злом, она становилась все светлее, как будто на солнце лежала.

Хорошо было денежке — Акчачик. Вволю бегала, каталась по двору, а потом опять к деду приходила. Соседи - завистники через забор смотрели и злословили про старика:

— Знаем тебя, если ты по двору денежку одну пускаешь бегать, наверное, у тебя в чувалах лежит их тысяча. Если бы ты умер, мы бы твои мешки утащили.

А однажды ночью прислушалась денежка, слышит — стонет старик. Потом тихо стало, а дед стал совсем холодный, даже денежка замерзла.

А люди пришли утром, и стали шарить по деду жадными руками, и в первый раз услышала денежка слово «умер». Не знала денежка, что значит это слово.

И вдруг чувствует, что схватила ее жадная рука, вытащила из кармана и в другой карман положила, где было душно, смрадно, где лежали еще такие, как она, но только были зеленые, а она светлая.

И опять началось все сначала. На базар ее унесли. И опять денежку проклинали и ругали, и опять денежка плакала. И опять стала зеленой.

И однажды денежка решила убежать.

— Уйду, убегу, в землю спрячусь, никто не найдет меня.

Соскочила с жадных рук на землю и покатиалась. А на базаре стояла девочка маленькая. У нее ничего не было, она была сиротой. У нее даже не было маленького мячика, ничего у нее не было, только маленькие ручки и маленькие ножки, и большие синие глаза. Больше ничего не было, а девочке тоже хотелось игрушку.

Она увидела, как катится денежка. Подставила лодочкой свои ладошки, и денежка прыгнула прямо туда, прыгнула и зашептала:

— Девочка, ты меня закрой, закрой руками!

Девочка закрыла, закрыла крепко.

— Слушай, — сказала денежка Акчачик. — Ты меня послушай, ты меня никому не отдавай, все равно на меня ничего не купишь, а если ты отдашь кому-нибудь, меня опять начнут ругать. Ты меня возьми к себе и спрячь за платье. Знаешь что, — говорила денежка, — сделай мне даже больно, только чтобы я всегда была с тобой.

— Как? — спросила девочка.

— А ты возьми, сделай дырочку во мне, а потом протяни ниточку и повесь на шею.

Девочка так и сделала. Эта ведь была у нее единственная игрушка. И стала денежка жить на груди у девочки.

И скоро стала совсем, как маленькое солнце. А девочка росла. Только она была сиротой, и никто не хотел ее замуж брать. И когда пришла пора девушке показать красоту свою, денежка сказала ей так:

— Слушай. Ты всегда была ко мне добра, хочешь — я сделаю тебя лучше всех в деревне?

— Как? — спросила девушка.

— А вот смотри. У тебя есть шапочка, она хоть старенькая, но это все-таки шапочка. Ты возьми эту бархатную шапочку, надень на голову, как все девушки надевают, и меня, денежку, пришей к шапочке и пойдешь по деревне.

Девушка так и сделала и пошла по деревне. Свои синие глаза она закрывала ресницами. Ей было стыдно. Скажут люди: ходит по деревне, чем хвалится?

А люди смотрели ей вслед и говорили:

— Какая хорошая стала девушка, и ноги какие крепкие, и бедра широкие, хорошей матерью будет, и руками не болтает, значит, хозяйка хорошая, вещь в руках умеет держать. Э-е, да она какая сильная, смотрите, как идет легко по земле.

Так стали говорить о девушке. И самый сильный, самый добрый, самый работающий парень полюбил ее. Он был беден, все его богатство было в его руках, он умел все делать.

И он пришел к девушке и спросил ее:

— Пойдешь за меня? У тебя больше никого нет. Я тебе буду всем — и матерью, и отцом.

А денежка шептала:

— Иди, иди, а то смотри — упустишь.

— Нет, — сказала девушка.

А когда посмотрела еще раз на него, «да» сказала.

ЛЕГЕНДА О МАМАЕ И ДЕРВИШЕ

Дважды он появлялся в окрестностях Кафы*.
Когда восходила его звезда. И когда она закатилась.
Был День и была Ночь.

И сейчас, когда кончался День, он вспомнил начало пути.

Его слава неслась по земле, и земля гудела под копытами его коней. Он был темником* — предводителем войска, а ханы боялись его и считали почестью коснуться расшитых сапог Мамаея*. Он не был ханом, но повелевал ими, как слугами, и золотой шатер его стоял в Сарае выше всех на холме.

Да, это было год назад. Он поднялся тогда с единомышленниками своими ордынскими и со всей силой татарскою и половецкою. Он поклялся наказать непослушного князя Дмитрия*, сжечь его столицу Москву и заставить урусов платить такую же дань, какую брал с них когда-то хан Джанибек*.

— Зачем тебе столько золота? — спрашивал его в юности старый дервиш*. — Ведь ты не поскачешь сразу на ста лошадях, не наденешь сто халатов.

Эти слова не смягчили его сердце. Не поверил он дервишу-паломнику. Да и мог ли поверить, если Орда, в которой он захватил власть, называлась Золотой, и если сам он, благодаря золоту, собрал огромное войско, чтобы идти на Москву, и все эти половцы, черкесы, монголы и крымские генуэзцы*, составлявшие его войско, только и ждали, чтобы обогатиться за счет русского золота.

Но дервиша он все-таки вспомнил перед походом на Москву. Заметив его, стоящего на улице, тощего, в отрепьях, спросил:

— Ты, видно, исходил мир. Много ли времени надо, чтобы покорить его?

Славолюбие, жадность, желание стать вторым после Аллаха погубят этого завоевателя — подумал дервиш.

Мурзы, полагая, что старый дервиш плохо слышит слова их повелителя, услужливо подтолкнули его ближе к Мамаю. Прищуриив глаза от блеска бриллиантов, усеявших кашемировый халат завоевателя*, дервиш ответил:

— Мир беспределен, а могуществу самого сильного человека положен предел. Это — смерть.

— Ты, кажется, предрекал мне когда-то гибель от золота? И что же? Оно вознесло меня на вершину власти, и мурзы называют меня бессмертным. Выходит, врут мои подданные, старик?

— Нет, они говорят правду, — спокойно отвечал дервиш, — смерти избежать можно.

— Как? — удивился Мамай, который вокруг себя сеял одну смерть...

— Смерть победит тот, кто думает о других.

Мамай прогнал тогда дерзкого старца. Ему некогда было думать о других! О тех, кто сеял хлеб и пас стада. Он и сам никогда не обращался. Ему нужны были данники и воины, которые, повинувшись одному взмаху его руки, готовы были ринуться в бой.

Так, думал он, и произойдет на поле Куликовом, через которое он намеревался пройти к Москве...

Его противник устоял в той битве, и перехитрил Мамаю. Когда отборная конница темника пробилась в тыл русских, из густой дубравы вылетел засадный полк Волынца*. Это было так неожиданно, что наемники Мамаю обратились в бегство.

И он, непобедимый доселе Мамай, бежал с ними.

Весть о его поражении раньше, чем он думал, достигла ушей Тохтамыша*. Этот хан, возмнивший себя наследником Батгя, подстерег разбитое войско и добил его. С несколькими телохранителями Мамаю удалось пробраться в окрестности Кафы, где ему обещали приют.

На базарах Кафы с опаской говорили о тайниках, в которых были сундуки с сокровищами и о которых знал только верный ему слуга Кемал.

И это золото продолжало беречь душу бывшего властелина Золотой Орды. Он послал гонцов в степные улусы к верным ему мурзам. Ему обещал помощь капитан генуэзских легионеров. Он еще отомстит своим гонителям! И золото вернет ему власть в Сарае, а, на худой конец, в этой Кафе, где он и станет правителем...

Но День его жизни был уже на исходе.

Мамай еще вынужден был таиться. Кривыми переулками, крадучись, шел он к своему жилищу на окраине Кафы. Вот и глинобитный дом у разрушенного забора. И чей-то темный силуэт вырос на его пути.

— Это ты, Кемал? — окликнул неизвестного Мамай.

Блеснул нож, скользнув по панцирю. Мамай отпрянул, но в то же время кто-то ударил его сзади по голове чем-то тяжелым. И свет померк для него.

— Молодец, Кемал, — человек с ножом склонился над упавшим. — Он мертв. Хан Тохтамыш будет доволен. Заро-ешь его где-нибудь. Держи!

Глухо звякнуло золото в мешке. Когда стемнело, слуга зарыл тело убитого им господина.

А чтобы никто не потревожил праха, местные жители, по обычаю, насыпали над могилою курган, который с тех пор называли Мамаевым.

КИЗИЛ – ЧЕРТОВА ЯГОДА

Прапрадед мой чумаком был: в Крым за солью ездил. Как и подобает — волами... Так вот, этот самый мой прапрадед рассказывал своей двоюродной сестре, а та пересказала жене мужа брата моей бабушки, а жена мужа брата — бабушке, а бабушка моей тетке, а тетка уже мне вот эту «историю», причем бабушка божилась и клялась, что все это чистейшая правда.

Когда Аллах сотворил мир и закончил свою работу, на земле наступила весна, и на деревьях в земном раю начали распускаться почки.

И потянулось к этим почкам все живое и на земле сущее: тот одно хватает, тот другое. Одним словом — никакого порядка. Аллах видит, что надо порядок навести, позвал всех к себе и повелел каждому выбрать одно какое-нибудь дерево или цветок, чтобы потом только им и пользоваться. Мои предки тогда избрали вишню... Пришел и черт.

— Ну, что же ты, черт, выбрал? — спрашивает Аллах.

Черт отвечает:

— Кизил.

— Хорошо. Бери кизил, — улыбнулся Аллах.

Обрадовался черт. Всех, мол, обманул: кизил первым зацвел, значит, и созреет раньше. А первая ягода — дорогая ягода: повезет свой кизил на базар, продаст дороже, чем другие.

Наступило лето. Начали созревать плоды: черешни, вишни, абрикосы, персики, яблоки, а кизил все еще зеленый. Твердый и зеленый.

Не созревает кизил. Со временем красный сделался, но, как и прежде, — твердый и кислый.

— Ну, как твой кизил? — насмеются люди.

— Гадость, а не ягода. Не повезу на базар! Собирайте сами!

И вот поздней осенью, когда в садах собрали все плоды, пошли люди в лес и увидели почерневшую, но очень сладкую и вкусную ягоду. Собрали люди кизил, лакомятся и издеваются над чертом:

— Прозевал!

Черт очень разозлился и отомстил людям. На следующую осень он сделал так, что кизила уродилось вдвое, а может, и втрое больше, чем прошлый раз, и солнцу, чтобы он созрел, понадобилось послать на землю значительно больше тепла.

Обрадовались люди, что такой большой урожай кизила, не поняли каверзы. А солнце истощилось за лето, и наступила на земле такая зима, что повымерзли у людей сады.

С того времени существует такая примета: если урожай кизила — будет холодная зима.

ЛЕГЕНДА О БАХЧИСАРАЕ

Однажды сын хана Менгли-Гирея поехал на охоту. Он спустился из крепости в долину. Сразу же за крепостными стенами начинались дремучие леса, полные дичи. Для охоты выдался удачный день, гончими и борзыми затравили много лисиц, зайцев и даже трёх диких козлов.

Захотелось ханскому сыну побыть одному. Отправил он слуг с добычей в крепость, сам забрался в чащу, — прыгнул с коня и присел на пне у речки Чурук-су. Верхушки деревьев, позолоченные заходящим солнцем, отражались в струях воды. Только шум реки, бежавшей по камням, нарушал тишину.

Вдруг послышался шорох на том берегу Чурук-су. Из прибрежного кустарника быстро выползла змея. Её преследовала другая. Завязалась смертельная схватка. Обвив одна другую, змеи острыми зубами рвали друг у друга куски тела. Долго длилась схватка. Одна змея, вся искусанная, обессиленная, перестала сопротивляться и безжизненно опустила голову. А из чащи по густой траве спешила к месту боя третья змея. Она накинулась на победительницу — и началось новое кровавое побоище. Кольца змеиных тел мелькали в траве, освещаемые солнцем, невозможно было уследить, где одна змея, где другая. В азарте борьбы змеи отползли от берега и скрылись за стеной кустарника. Оттуда доносились злобное шипение и треск веток.

Сын хана не спускал глаз с побеждённой змеи. Он думал о своём отце, о своём роде. Они сейчас подобны этой полумёртвой змее. Вот такие же искусанные убежали в крепость,

сидят в ней, дрожа за жизнь. Где-то идёт битва, а кто кого в ней одолеет: золотоордынцы — турок или турки — золотоордынцев*? А ему и отцу его, Менгли-Гирею уже не подняться, как этой змее...

Прошло некоторое время. Молодой хан заметил, что змея стала шевелиться, силиться поднять голову. С трудом ей это удалось. Медленно поползла она к воде. Напрягши остаток сил, приблизилась к реке и погрузилась в неё. Извиваясь всё быстрее и быстрее, полуживая змея приобретала гибкость в движениях. Когда она выползла на берег, на ней даже следов от ран не осталось. Затем змея снова окунулась в воду, быстро переплыла реку и невдалеке от изумлённого человека скрылась в кустах.

Возликовал сын Менгли-Гирея. Это счастливый знак! Им суждено подняться! Они ещё оживут, как эта змея...

Он вскочил на коня и помчался в крепость. Рассказал отцу, что видел у реки. Они стали ждать известий с поля битвы. И пришла долгожданная весть: Оттоманская Порта одолела ордынского хана Ахмеда, который когда-то истребил всех воинов Гирея, а его самого загнал в крепость на крутой скале.

На том месте, где схватились в смертельной битве две змеи, старый хан велел построить дворец. Около дворца поселились его приближенные. Так возник Бахчисарай. Двух пережившихся в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было бы трёх: двух в борьбе, а третью — полумёртвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей.

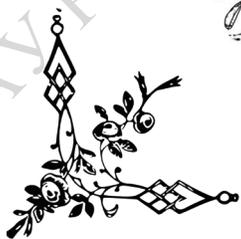

АЮ-ДАГ

«ЛЮБИТЬ ГЛУБОКО –
ЭТО ЗНАЧИТ ЗАБЫТЬ О СЕБЕ.»

Ж. Руссо

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ В СУДАКЕ

В те далекие времена, когда самой крепости еще не было, в этой высокой башне жила дочь местного архонта. Говорят, она была так прекрасна, что юноши не смели поднять на нее глаз. Даже Диофант, лучший полководец Митридата, пленившийся ее красотой, тщетно добивался ее руки.

И никто не знал, что девушка полюбила простого пастуха, гордого и стройного юношу. А он, не надеясь на это, молча носил любовь в своем чистом сердце, ничем ее не выдавая. Прошло много дней, прежде чем любящие сердца открылись друг другу. Юноша считал, что среди богов и людей не было его счастливей.

Но отец девушки думал иначе.

Увидев их однажды вместе, он приказал бросить пастуха в каменный колодезь. Лаской и подкупом удалось девушке спасти любимого, но архонт не мог примириться с тем, что его дочь станет женой пастуха. И он отправил его с поручением в Грецию.

— Если за это время твой возлюбленный не изменит тебе, — сказал он дочери, — на мачте возвратившегося корабля поднимется белый знак. Если же не будет этого знака, ты предпочтешь недостойного славному Диофанту.

Так изложил архонт свое условие дочери, а сам тайно приказал мореходам убить пастуха. С тревогой в сердце простилась она с юношей.

Целый год, живя мечтой о встрече, ждала она корабль. А когда тот появился и на мачте его девушка не увидела белого знака, она поняла все. Жизнь потеряла для нее смысл.

Гордой и красивой, как никогда, вышла дочь архонта к рабыням. Она велела им подать свою лучшую тунику и самую дорогую диадему из сапфира и опала. Надев тунику и диадему, она поднялась на вершину башни и попросила позвать Диофанта. Давно ждавший этой минуты полководец бросился к ее ногам. Девушка жестом остановила его.

— Эх, Диофант... Мне жаль вас с отцом. Вы так и не поняли, что такое любовь. Так смотрите же!

Дочь архонта быстро подошла к просвету между зубцами башни и бросилась вниз.

С тех пор башню на скале зовут Девичьей.

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ

В заснеженной тьме движется одинокая тень. Это молодая мать, прижимая к груди ребенка, бежит из занятой фашистами деревни, спасая от поругания себя и свое дитя.

Она узнала, что партизаны освободили Орталан* и, забыв, что мороз не щадит никого, ночью пробирается к своим. Ледяной ветер обжигает лицо, сбивает с ног, но она идет не останавливаясь. Она должна спасти дитя — память о первой своей любви. Женщина спешит, ей надо уйти дальше, пока темно. Ей кажется, что она идет быстро, но знакомого урочища все нет, а ноги уже не слушаются. Неужели она заблудилась, кружа среди заснеженных холмов? Ледящий душу ветер сбивает с ног, силы покидают ее. Она прислоняется к какому-то дереву.

«Наверное, все живое замерзло вокруг», — думает она и страшная мысль, что ребенок может замерзнуть, пронзает ее. Она стягивает с головы шерстяную шаль и укрывает свою ношу.

Проходят минуты, а ей кажется, что — часы, месяцы, целая вечность. Она пытается оторваться от опоры и не может. Ледяные иголки, пронизавшие тело, пригвоздили ее к дереву. Ей кажется, что замерзло ее родное дитя. «Нет! Погибну, но спасу его». Снятой с себя домотканной кофтой, она укрывает ребенка, прижимает к груди и шепчет:

— Больше, дитя мое родное, нечем тебя согреть, разве только сердцем моим.

Теперь полуголое тело матери незащитно перед морозом, и снежный вихрь, как сверкающий меч, прокалывает ее насквозь. В ушах звенят серебряные струны. Они напрягаются и рвутся. Женщина уже ничего не видит и не слышит.

Зимняя ночь надевает на нее свой наряд. Ледяные пальцы мороза ткут на ней свои нежные узоры из хрусталя. Наступает утро.словно острый сверкающий меч, обнажен воздух. Перед деревом стоят три партизана-разведчика. Они возвращались с задания и увидели замерзшую женщину... Картину, которую вряд ли забудут. Они стоят, не шевелясь. Так, когда-то перед изваянием божества, стояли их далекие предки. Внимание партизан привлек сверток в руках обледеневшей женщины. Один из них подошел и дрожащими от волнения руками развернул его. Оттуда неожиданно раздался плач. Вздрогнул партизан:

— Там ребенок! — глухо сказал он.

Из глубины свертка смотрели, жмурясь от света, детские глаза. Партизаны шепчут что-то ласковое. И, может быть, впервые за всю войну у них наворачиваются слезы: «Выходит, есть на Земле сила, способная победить смерть!».

Они торопятся на базу, бережно неся в руках ребенка, мать которого своей любовью спасла ему жизнь.

О молодой женщине с ребенком, уходившей холодной зимой 1941 года в сторону временно освобожденного партизанами Орталана (ныне село Земляничное Белогорского района) рассказал М. Файзи бывший крымский партизан Б. Пиастро.

Истории известны случаи самопожертвования во имя детей не только в военное время. У эвенков, например, бытует такой обычай: когда остается последний кусок пищи — разденься, выйди на мороз и умри, чтобы доля твоя досталась ребенку.

СКАЗАНИЕ О МЕДВЕДЬ-ГОРЕ

Тревога все больше охватывала Большого Медведя по мере того, как он приближался к своему логову. Та самая тревога, что впервые забралась в него с запахом гари, когда горел лес.

Он горел у них на глазах. Рыжий вихрь, несущийся с горного кряжа, уничтожал все живое. Его языки жадно охватывали верхушки деревьев и, как змеи, ползли по траве к медведям, оставляя черный след. С треском и стоном падали деревья. Горячий ветер слепил глаза. Пронзительно крича, носились птицы, взывая о помощи. А они, могучие хозяева леса, растерянно стояли, бессильные перед губительной стихией огня.

И только одна Медведица не выдержала, бросилась туда, откуда шел огонь, надеясь отвести пламя, спасти медвежат, как когда-то спасла из волн человеческого детеныша.

Медведь сдерживал себя недолго. И, предчувствуя беду, бросился, перескакивая через дымящиеся пни, за ней. Но опоздал. Копье одного из тех, кто выпустил огонь, пронзило Медведицу.

Небывалая ярость охватила его. Он метнулся к поселку, где жили люди, безжалостно круша все, что несло человеческий запах.

С тех пор стал он для людей свирепым и страшным зверем. Дикая злоба на людей закипала в нем каждый раз, едва чуялся ему горький запах гари.

Однажды он даже хотел загнать перепуганных людей подальше от леса, в ущелье, к скалам, где живут змеи. Но что-то остановило его.

Теперь он знал, что человеческий детеныш, девочка, которую спасла Медведица! Выросшая с медвежатами, она часто пела, чтобы им не было одиноко без матери. Пела о лесе, который чуть было не ушел от них из-за страшного рыжего вихря. О зверюшках, что доверили свою судьбу большим и сильным медведям.

Медведи многое могли. Они различали следы зверей в непролазных дебрях и голоса разбушевавшегося леса. Им нравилось внимать гулу далеких гор. Что-то могучее, жизнелюбивое бродило, переливалось внутри их, но выразить это косялапы не могли. Это сделала она своим голосом, звонким и чистым, как ручей, сбегаящий вниз, в горячую траву лета. Песни породнили ее с медведями. Она стала для них сестрой и божеством, которого они слушались.

Однажды, возвращаясь из набега, медведи не услышали ее голоса. Зато почуяли рядом с берлогой запах другого человека. Насторожились. Но девушка была на редкость спокойна. И они никого не стали искать, доверяя ей.

С того дня песни ее стали светлее и звонче. Простодушные звери думали, что никто не смог бы так любить ее, как они. Но Большой Медведь чуял недоброе. Их любимица все чаще глядела в море, в ту сторону, откуда когда-то появилась сама. Там, наверное, жили люди, такие же как она. И запах одного из них теперь был с ней и тревожил Большого Медведя. «Может быть она спасла этого незнакомца, как когда-то спасла ее Медведица?»

«Почему же песни ее звучали так, будто душа ее прощалась с ними?»

В этот раз они не ушли далеко от логова и не разбойничали у людских жилищ. Уже спускаясь к берегу, Большой Медведь уловил вдруг запах гари. Тревожный хрип вырвался из его груди. Раздумывать было некогда. Они бросились на запах, предвещавший беду. Неслись, словно земля горела под ними. Пробежали мимо остывающего костра на берегу и, взглянув на море, поняли, что опоздали.

Легко рассекая волны, стремительно удалялся от них парусник. В нем плыла она с незнакомцем. Отчаянно взревел Медведь, заколебался воздух от грозного рева. Заметались медведи. Как тогда, во время лесного пожара, когда гибло в огне все живое и самое дорогое для них, а они были бессильны.

Но, нет! Своим огромным телом приник Большой Медведь к морю и стал с силой втягивать в себя воду. Другие медведи последовали его примеру.

Море стало заметно мелеть. Течение влекло парусник к берегу. Девушка видела, что ее любимому грозит опасность. Его не пощадят расสวิрепевшие медведи. И она запела.

Едва ветер донес до зверей ее голос, они подняли головы, вслушиваясь в знакомые звуки. Лишь Большой Медведь еще глубже погрузил передние лапы и морду в холодные волны. И море, клопоча, бурлило у его пасти, вливаясь в нее потоками.

А девичья песня заклинала все силы, земные и небесные, умоляла пощадить ее любимого. И так горяча была эта мольба, что Большой Медведь замер. Что-то прежнее, светлое пробудилось в нем. Но он не отполз от берега, а продолжал лежать, всматриваясь вдаль. Там исчезал парусник с существом, которое почему-то стало ему теперь дороже жизни.

Так и лежит тысячи лет Большой Медведь на берегу моря не в силах сдвинуться с места. Окаменело его могучее тело. Мощные бока превратились в отвесные пропасти, высокая спина стала вершиной горы, достигающей облаков, густая шерсть превратилась в дремучий лес. Большой Медведь стал Медведь-горой.

СИЛА МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Мой дорогой читатель! Ты, наверное, уже много сказочного слышал о нашей жизни! Но знаешь ли ты, откуда у моряков взялась сила? Не знаешь? Тогда послушай.

Когда-то очень давно у побережья Черного моря жили твои далекие предки. Они охотились на диких зверей, трудились в поле, пасли скот. Зато осенью все они собирались на берегу и устраивали веселые праздники: кружили в танце у огромного костра, пели, забавлялись играми и стрельбой из лука.

От того, куда полетит стрела, зависела судьба юноши. Если юноше хотелось стать охотником, он старался, чтобы стрела полетела в сторону леса, если пастухом — в сторону стада, если пахарем — в поле.

Смотрел на людские забавы владыка морей Нептун* и ухмылялся:

— Как ни хвастают люди своей силой, а никто из них еще не запустил стрелу в сторону моих владений. Меня боятся!

И было чего бояться! Сколько кораблей и людей загубил по своей прихоти Нептун!

Страшен морской царь! Глаза прозрачные и скользкие, как медузы, весь сине-зеленый, и борода из водорослей.

Но однажды нашлись смельчаки! Подошли юноши к самому берегу, натянули луки — и полетели в море их стрелы.

— Не рано ли вы захотели испытать свою судьбу? — с болью в сердце спросили у них матери, знавшие коварный нрав морского царя.

— Рано, конечно, рано! — зло прохрипел Нептун, опасавшийся, что юнцы бросят вызов его власти над морями и океанами, и, чтобы не подпустить дерзких к воде, бросил на них огромный вал.

Но матери, красивые и сильные, успели отдать свою силу сыновьям. И те не согнулись, выдержали, не побежали назад.

Сыновья устояли. Зато матери после этого стали слабее.

И вот слушай дальше! Когда Нептун увидел, что юноши, выдержав натиск огромной волны, готовятся выйти в море, он рассмеялся и злобно крикнул женщинам:

— Пусть ваши сыновья устояли против моей силы здесь, на берегу, но в море я вырву весла из их рук, порву в клочья паруса и утоплю вместе с их посудиной!

Помрачнели женщины: да, могучий Нептун действительно может утопить их сыновей. Многие из них стали вдовами по вине морского царя.

Пока раздумывали они, откуда-то из глубины моря появились дочери Нептуна. Они, как и отец, были безобразны.

— Женщины! — обратились они к матерям. — Отдайте нам свою красоту, а мы за это достанем со дна моря самой крепкой травы, сошьем из нее жилы для ваших сыновей, и руки их станут такими же сильными и крепкими, как у нашего отца.

И женщины согласились. И отдали дочерям морского царя свою красоту.

Если, дорогой читатель, ты увидишь когда-нибудь некрасивую женщину, не отворачивайся от нее, знай, что она пожертвовала своей красотой ради детей.

Рассвирепел тогда Нептун, узнав о проделке дочерей. Помутнели от ярости его глаза. Он выбросил своих дочерей из моря и превратил их в птиц-чаек.

Ты слышал, как плачут над морем чайки? Это они просятся домой, но жестокий отец не пускает их обратно и даже не смотрит на них. Зато моряки всегда глядят и наглядеться не могут на чаек, потому что птицы эти носят красоту их матерей.

Юноши, почувствовав крепость в руках и силу в плечах, вышли, наконец в море. Вышли и пропали. Ждут-пождут матери — не возвращаются сыновья. Зато появился перед ними Нептун. И так захохотал, что волны заходили по морю.

— Не дожидаться вам своих храбрецов! Заблудились они! Нет на море дорог и тропинок! — И опять закатился в страшном смехе злобный морской царь.

Тогда в отчаянье воскликнули женщины:

— Пусть будет меньше света в наших глазах, но пусть над землей еще ярче заблестят звезды, чтобы нашли сыновья по ним дорогу домой!

Только успели сказать, как в небе заблестали звезды ярко, ярко.

Их увидели сыновья и вернулись к родным берегам.

Вот почему, мой друг, сильны моряки и непобедимы: матери отдали им все лучшее, что имели.

ВЕСТНИК

Наверху оно стояло. На самом высоком холме Ашага-Джамина. Открытое ветрам и солнцу. И матери звали это дерево Вестником. Если зазеленеет оно первым по весне, тогда и вернутся их сыновья домой. Вера такая была у них. И приходили женщины тайком от врагов сюда, на холм, едва сойдет снег. Молча и долго смотрели на дорогу, по которой когда-то ушли на войну их сыновья.

Зазеленело деревце после третьей военной зимы, когда дымная мгла застилала путь наступавшим. Тогда, чтобы найти заслоны врага, вырвались вперед 9 разведчиков на танке.

Не цвела еще крымская степь. Не голубело небо над ними. Словно все вокруг забыло о весне.

А как ждали весну молодые солдаты! Шли через горе и смерть войны, переноса разлуки и беды, чтобы однажды на рассвете обдала их росным дыханием ожившая степь, а где-то высоко в небе зазвенела бы ликующая песнь жаворонка.

Внезапно на холме перед ними возникло деревце с обрывком колючей проволоки. И показалось им, будто не танк поднимался, а деревце сбегало вниз, вырвалось из неволи и трепетало на ветру только что появившимися листочками.

Острая тоска охватила солдат. Что бывает весной, когда пробуждается жизнь. С самым дорогим их разлучила война. С матерями, с домом своим, с любимыми. И тут каждому показалось, что это его родное деревце тянется к нему своими ветвями и зовет хоть на час, хоть на миг раньше приблизить весну.

И синевой наполнились их глаза, а сердца — удалью. Расправили они свои молодецкие плечи и уже не страшили их враги, засевшие за холмом, и пушки, стрелявшие в упор.

Рвется воздух, пылает земля, бьют пушки. Будто войско на холме стоит, а не горстка солдат с напоенными весной сердцами.

Смерть дикой пляской ходит вокруг, а подойти не смеет. Каждый закрывает от пуль товарища, а тот следующего. Так и стояли они тогда, прижавшись друг к другу. Русский, украинец, дагестанец... И была у них уже одна кровь, одна судьба, одно большое сердце.

Шел бой, и солнце, что было красным, бледнело, словно кровь из него выпустили. Шептали бескровные губы: «До последнего...» И последний удар сердца отдавали товарищу. Пока бьется хотя бы одно сердце, будет жить и сражаться их десант.

Но сражаться им было уже нечем.

— Эй, нерусский, — кричат враги, — откажись от них, мы оставим тебе жизнь.

Поднялся Магомед, посмотрел на небо, синее, как глаза его товарищей, и сказал:

— Они братья мне. Одна земля у нас и не будет вам жизни на ней!

Враги штыками пронзили его. Упал гордый сын Дагестана на крымскую землю. И угас день. Стихло все.

Только слышно было, как плачут матери.

— Там сыновья наши, кровь бежит из них, — говорит одна.

Припала она к земле. Слышит, стучит что-то. Слабое, вот-вот остановится.

— Сынок, родимый, — шепчет мать и зовет других.

Пробрались они на холм, где бой был, и нашли еще живого солдата. Уткнулись в его шинельку, словно благодаря, что остался жив. Унесли домой. Выходили. Уберегли от врагов.

И долго еще, спасенное материнской любовью, билось в солдате отважное сердце десанта, который принес в село весть о победе.

Теперь называют село Геройским. А деревце у памятника по-прежнему зеленеет ранней весной, напоминая о подвиге девяти героев Советского Союза.

ВОЛШЕБНЫЙ ГОРН

Если в вашем сердце отыщется местечко для новой светлой сказки, то знайте — есть на свете Волшебный горн. Солнце отдало ему самые яркие и звонкие лучи. И каждый год прибавляет оно к его необыкновенному сиянию по новому лучу. Поэтому с годами он сверкает и горит все жарче, и так слепит глаза, что старая Медведь-гора надежно хранит его в глубокой пещере. Там и лежит он в бархатной темноте, и только раз в году в день рождения Артека (16 июня 1925 года) заботливая Медведь-гора, приподняв правую лапу, открывает вход в эту пещеру.

Самым первым туда врывается светлый луч, чтобы прибавить яркости Волшебному горну.

Когда Солнце начинает подниматься над Медведь-горой, чтобы вытереть жемчужные капли моря белыми пушистыми облаками — по хрустящей гальке на берег выбегает вихрастый мальчишка. Легкий утренний ветерок развеивает на его груди жаркий кусочек зари — красный пионерский галстук.

Мальчишка подносит к губам Волшебный горн и трубит в голубое небо. Звенят облака, замирают леса, на склонах далеких вершин рождается желанное эхо. И оно повторяет торжественную песню Волшебного горна — С днем рождения, Артек! С праздником, друзья! Летит эта песня, обгоняя ветер за леса и горы, за реки и моря. И слышат ее ребята в селах, городах по всей нашей земле. Волшебный горн собирает их в Артек, где крепкое рукопожатие становится дружбой, улыбка выражает радостную находку, а общая радость — становится

большим хороводом. Бегут поезда, плывут корабли, летят самолеты. Собирает Артек все больше ребят из разных мест со всего света. Не могут они усидеть дома. Так повелось давно, так будет в Артеке и дальше, потому что еще долго-долго над Землей будет гореть веселое Солнце.

Но однажды потускнело небо над Крымом, помрачнело море, даже камни сжались от горя. По дымящим дорогам в Крым прорывались фашисты. Они жгли и убивали все живое на своем пути.

Стал тих и пустынен артековский берег. Как будто здесь и не слышал никто радостных детских голосов.

Как только сюда пришли фашисты, хмурый немецкий генерал, охотник до редких вещей приказал своим солдатам отыскать Волшебный горн. Он решил, что «труба» может для него собрать много-много детей, которых он увезет в неволю. Его солдаты отворачивали старые пни, заглядывали под каждый камень, но нигде не могли отыскать вход в пещеру. Медведь-гора, навалившись всей тяжестью, заложила его своей лапой. А когда солдаты приблизились, Медведь-гора начала ворочаться и на головы чужеземцам обрушился страшный камнепад. Следы его поныне видны на склонах Медведь-горы.

Недолго хозяйничал враг на Крымской земле, горела она у него под ногами, и, когда последний из них был выбит из Крыма, здесь снова зацвел миндаль. Говорят, что еще никогда он не цвел так ярко, как в ту весну.

А когда в садах отшумел май, в Артеке снова слышали звуки Волшебного горна. Говорят, что никогда он не звенел так громко, собирая новых ребят на торжественную линейку.

Наполненный живым дыханием нового дня Волшебный горн обладает необыкновенной силой: он не только созывает всех живых, но и воскрешает погибших героев! Они слышат его призыв и первыми становятся на почетный правый фланг артековского строя:

Тимур Фрунзе, Иван Туркенич, Гуля Королёва, Володя Дубинин, Рубен Ибаррури, Витя Коротков, Гриша Акопян — русский, испанец, болгарка, армянин.

Они были спаяны одним солнцем, одной мечтой и одной борьбой. Они были артековцами и стали героями. Лицом к Солнцу стали они на переключку всех артековских поколений и, услышав мелодию Волшебного горна, прикладывают руку к груди и чуть слышно шепчут: «Артек!»*.

Артек — это сказка, ставшая реальностью для более чем миллиона мальчишек и девчонок со всего света.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОРОГАМИ КРЫМСКИХ ЛЕГЕНД

«Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».

М. Волошин

Крымские легенды — это не просто развлекательное чтение. Они имеют познавательное и воспитательное значение. Это отличное средство духовного общения с детьми. Они близки миру ребенка, его языку и мышлению.

Известно, что наиболее взыскательными ценителями сказок и легенд являются дети. Они острее, непосредственнее воспринимают борьбу добра и зла, жестокости и человечности, духовной красоты и уродства. Детям заметнее скрытая подчас неправда, длинноты и, так называемый, сироп абстрактного добра.

Нет собственно детских легенд и преданий. Есть просто отобранные с учетом возрастного восприятия произведения. Ведь в ряде легенд бушуют далеко не детские страсти, царит жестокая безысходность. Детям же всегда хочется видеть светлый конец, вернее, силу, способную спасти их (или героев, которым они симпатизируют) от произвола и своевластия.

Несмотря на воспитательную ценность легенд, использование их на уроках природоведения, истории и географии носит чаще иллюстративный, прикладной характер.

Однако учащиеся — не туристы, а учителя — не экскурсоводы. У них более протяженные «маршруты», да и цели посерьезнее.

Наверно самой желанной учебно-воспитательной целью любого урока для учителя является стремление разбудить пытливым дух ребенка и способствовать его духовному (нравственному, творческому) росту. Непросто добиться этого в сегодняшней школе, среди искушенных гаджетами детей. И все-таки каждому педагогу приходится пробиваться к сердцу ребенка через глянцевую оболочку «массовой культуры». Конечно же, помогают в этом чистые ручейки настоящей поэзии, музыки и сказки, власть которых еще хранит эмоциональная память подростка.

Да и мир легенд, близкий сказке, но идущий от жизни, очень созвучен душе ребенка. По сути, он только открывает глаза на историю, окружающий мир и людские страсти. И эти «открытия» помогут ему сделать легенды, сюжеты которых, заметьте, включают в себя сведения:

по истории (достоверные события или просто историческая обстановка, конкретные исторические лица);

по географии (характерный для легенды пейзаж — горный, лесной, предгорный и т. п.);

по социологии и психологии (характеры, нравы и обычаи наших далеких предков).

Все это может содержать сюжет легенды. Возможно, κάπο-то из них и останется в памяти детей. Может быть, две-три. Так показали опросы. Они же выявили, что после курса «Родной край» учащиеся знали названия крымских гор слабее, чем сорта жевательных резинок. По результатам другого опроса «Каким бы ты хотел быть?», никто из учащихся пятых классов не захотел быть добрым, зато многим приглянулись богатство и сила. А ведь без доброты вряд ли состоится настоящий человек. И если в душе подростков вместо чувства Родины и человечности будет зияющая пустота, не вырастут ли они такими же жестокими, как Хозяин из легенды «Длинная крепость», или Тохтамыш-хан из легенды «Джаныке из Кырк-ора»?

Конечно, делать такие прогнозы по единичным опросам преждевременно, и все же.

Социологи считают, что мифы и легенды — это скрытая сторона действительности. А дети? Разве они не скрытны? И разве до поры не живут они в своем собственном мифе? Разве мы не говорим «эти непредсказуемые подростки»? Может быть, действительно, миф и легенда ближе детскому восприятию? И мы просто упускаем это из виду и ограничиваемся ролью сторожей, охраняющих ворота в мир детства. А что, если не ограничиваться этой ролью и приступить к созданию с помощью легенд живого образа родного края (не раздела в учебнике, не застывшей фотографии), который называется Крымом.

Сейчас, когда учителям предоставлена творческая инициатива, наверное, многие из них по-своему открывают для учащихся Крым, воспитывая любовь к родному дому, улице, парку. И все же рискнем предложить учителю отправиться с детьми в мир легенд с любой сказочной целью (поиск редкой фрески, камня судьбы, таинственной надписи и т. п.), наполнив сюжет этого путешествия элементами истории, географии, фольклора, этнографии, обществоведения. И главное тут, конечно, не в рюкзаках и не в выборе вида транспорта. Это путешествие рассчитано на то, чтобы история и география выглядели сказочнее, и потому учитель будет апеллировать не столько к разуму детей, сколько к их дару воображения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕГЕНДА О ЧИГЕНИТРЕ

В основе легенды лежит рассказ Б. Чупикова «Тавры» («Крымская правда» от 18.07.1976 г.).

Т а в р ы — народ, населявший юго-западную, в основном, горную часть и побережья полуострова с X века до н. э. по III век н. э. Тавры вели многовековую борьбу с иноземцами, предпочитая рабству — смерть. Опасность со стороны пришлых колонистов и торговые интересы побудили их искать союза со скифами, жившими, в основном, в предгорной и степной части Крыма.

Примерно с 1 в. античные авторы чаще приводят общее название «тавро-скифы».

Д е в а — римский поэт Овидий в «Письмах с Понта» («Скорбные элегии», «Письма с Понта», М., 1978 г.) писал о таврах, что «это племя чтит родственную Фебу богиню». Родственная Фебу богиня это Артемида, сестра бога Солнца. Тавры называли свое божество Девой. Своими воинственностью, независимостью и целомудрием Дева весьма напоминала греческую богиню Артемиду. Греки в таврском божестве «узнали» свою богиню.

У щ е л ь е Ч и г е н и т р а — расположено на южном склоне Караби-яйлы, выше поселка Рыбачье. Археологи обнаружили там следы обитания тавров, остатки таврского могильника и святилища.

Г о п л и т ы — тяжело вооруженные греческие солдаты.

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Легенда изложена по пересказам Н. А. Куна «Легенды и мифы древней Греции», Учпедгиз, М., 1957, и трагедии греческого писателя Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде».

Т а в р и д а — древнее название Крыма, возможно произошло от названия народа тавров, населявших прибрежную и горную часть полуострова.

Х р а м А р т е м и д ы — есть предположения, что этот храм находился возле одного из греческих поселений у Аю-Дага или вблизи мыса Фиолент.

А р т е м и д а — богиня охоты, возможны варианты: медвежья богиня, владычица.

А г а м е м н о н — царь Аргоса, предводитель войска ахейн.

И ф и г е н и я — дочь царя Агамемнона.

О р е с т — сын царя Агамемнона.

ГИКИЯ – ГЕРОИНЯ ХЕРСОНЕСА

Легенду изложил византийский император и писатель Х в. Константин Багрянородный. Х е р с о н е с, развалины которого находятся в Севастополе, — город-государство, основанное в период греческой колонизации Причерноморья. В течение почти десяти веков (с V в. до н. э. по V в. н. э.) этот, по словам польского посла М. Броневского, «некогда великий, богатый и славный город греков», отстаивал свою независимость.

Б о с п о р — крупное государство с главным городом Пантикапеем (современная Керчь), находившееся на обоих берегах Керченского пролива. В 1 веке н. э. Боспор пытался полностью подчинить себе Херсонес, что нашло отражение в легенде.

Публикуемый пересказ передает основное содержание легенды, приводимой многими авторами в литературе о Херсонесе.

ПОХОД БРАВЛИНА

Выдержки из примечаний к легенде взяты из сборника Н. Маркса «Легенды Крыма», М., 1914, вып. 2.

Легенда говорит об историческом факте, не известном нам ни по летописи, ни по другим источникам. Она называет имена действующих лиц и место действия, устанавливает приблизительную дату события, и всем этим проливает некоторый свет на эпоху, на полстолетия предшествующую той, с которой мы привыкли связывать выступления русских на историческую арену.

Сам по себе факт отвечает возможностям времени. И если в половине IX в. мог быть совершен морской поход на дальний Царьгород, то мысль о более ранних походах на более близкие крымские колонии напрашивается сама собой.

Следует признать, что какой-то русский князь Бравлин в конце VIII или в начале IX в., совершив успешный набег на побережье Крыма, действительно осадил и взял Сурож и, вполне допустимо, под непосредственным впечатлением от своего соприкосновения с христианским миром приобщился и сам к нему.

Легенда связана с именем Стефана Сурожского. Св. Стефан — лицо историческое, и служба святому была, очевидно, составлена в Суроже, где покоились его мощи, где был в честь его построен храм и где праздновалась его память. Все это только подтверждает посмертные чудеса святого, в том числе и чудо с князем Бравлином, описанное в легенде.

Разбирая и оценивая достоверность этой легенды, приходили к самым различным заключениям. Одни принимали, другие отрицали ее, третьи приурочивали сообщаемый в легенде факт к более поздним временам.

События, описанные в легенде, совпадают со временем прихода хазар в Крым и, в частности, захвата ими Сурожа.

В основу публикуемой легенды положен текст легенды, опубликованной Н. Марксом во втором выпуске «Легенд Крыма».

СОКРОВИЩЕ ГОРЫ БАСМАН

Г о р а М а н г у п (она же Баба-Даг — Отчая гора) и ее плато (высота 250—300 метров), с трех сторон ограничены скалистыми обрывами (до 40 метров), а с северной стороны — мощной оборонительной стеной с башнями.

Крепость и город, созданные на горе, назывались Мангуп и княжество Феодоро, занимавшее предгорное и горное пространство в юго-западной части Крыма (южнее линии Каламита (Инкерман) — Алушта) с XV века тоже называлось Мангупским княжеством.

Первые укрепления раннего Мангупа возникли до X века. Сюда, ближе к спасительным дебрям гор от нашествия готов, гуннов и степняков стекались из речных долин аборигены: потомки тавров, скифов, сармато-аланы и вездесущие фракийские греки, поклонявшиеся солнцу.

Роксоланы — воинственное сарматское племя.

Генуэзцы — в середине XIII века получили от Византии преимущественное право торговли на Черном море, обосновались в Кафе, заняли Солдайю (Судак), а к концу XIV века захватили все Черноморское побережье Крыма. Генуэзцы вели долгую политическую и торговую борьбу за Поморье (ЮБК) с княжеством Феодоро. Опасность турецкого вторжения вынуждала их искать союзников в лице владетелей княжества Феодоро.

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес
Затем, чтоб вдали от крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Так начиналась популярная песня «Заветный камень» А. Жарова и Е. Мокроусова, возникшая на основе очерка Л. В. Соловьева «Черноморская легенда», опубликованного в газете «Красный флот» 17 июля 1943 года.

В этом сборнике публикуется легенда, написанная составителем.

О НАДПИСИ НА СТЕНЕ МАНГУПА

Мангуп — хорошо укрепленная столица княжества Феодоро, расположенного на плато в северо-западной части горного Крыма.

Мангупская крепость возникла в раннем средневековье, гораздо раньше остальной части города и впоследствии стала цитаделью.

Мартин Броневский, посетивший Мангуп в конце XVI века, застал главные ворота еще в полном порядке и даже видел какую-то надпись над ними, высеченную на каменной плите.

Табан-дере — овраг кожевников. Назван так в честь ремесленников, занимавшихся обработкой шкур. Там и сейчас можно увидеть вырубленные в скалах глубокие чаны для вымачивания и дубления кожи.

Легенда впервые опубликована В. Кондараки. Печатается в обработке составителя.

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА

Это не утопическая легенда, а предание, имеющее достоверную основу. Крестьянин Алим Азамат-оглу (1816 г. рождения, село Копирликой Таврич. губернии) разбойничал в Крыму в 40-х годах XIX века. Смелый и дерзкий, он нападал в основном на богатеев и раздавал их добро бедным. Он несколько раз был окружен и схвачен, но совершал побеги, пока в 1850 году его не сослали на каторгу.

По словам Н. Маркса, этот «последний джигит» Крыма пользовался огромной популярностью среди населения и стал героем народных рассказов и песен.

Легенда опубликована Н. Марксом («Легенды Крыма», М., 1914, вып. 1).

К а р а с у б а з а р — г. Белогорск, районный центр, расположен в 42 км от столицы, на трассе Симферополь — Феодосия.

О т у з ы — ныне поселок Щебетовка, в 27 км от Феодосии.
К е ф е д ж и — хозяин кофейни.

ЛИСА И ЗМЕЯ, ОСЕЛ И МУРАВЕЙ

Сказки, записанные составителем со слов М. Г. Кустовой в 1963 году.

МОРСКОЕ СЕРДЦЕ

Легенда записана Днепровой Чайкой («Антологія українського оповідання», К., 1960). Перевод с украинского Г. Тарана.

ПОЧЕМУ ГОРУ НАЗВАЛИ АЙ-ПЕТРИ

Эта волшебная сказка, близкая топонимической легенде, пересказана составителем по тексту В. Гончарова «Ай-Петри — обитель ветров» («Мещанская газета» № 35, 1996).

ЗАГАДОЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

О камнях с надписью (Грамата, или Язлы-Таш) возле Никиты упоминает известный крымоведа академик П. Кеппен в своем сочинении «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», изд. 1837 г.

М а с с а н д р а, Н и к и т а — греческие селения, расположенные соответственно в трех и шести километрах к востоку от Ялты. Ныне эти поселки знамениты:

— всемирно известным ботаническим садом (Никита).

— дворцом императора Александра III (Массандра).

П а ш а — турецкий сановник, носящий высший титул в старой Турции.

Г а р е м — обособленная часть мусульманского дома, где жили жены.

Я н ы ч а р ы — привилегированная пехота султанской Турции, состоящая, в основном, из взятых в неволю детей христиан, получивших военизированное воспитание. Они использовались в качестве карательных войск и были упразднены в XIX веке.

В основе изложенного составителем текста лежит запись легенды, сделанная С. Борисовой из Ялты.

ДЖАНЫКЕ ИЗ КЫРК-ОРА

В легенде отражен исторический факт, связанный со смертью приемной дочери золотоордынского хана Тохтамышша. В XIII—XIV веках княжество со столицей в городе Кырк-оре охватывает долины рек Качи, Бодрака и Альмы. После XIII века Кырк-ор служил резиденцией ханов, подвергался нападению и осаде, а в связи с основанием Бахчисарая — новой столицы Крымского ханства, потерял свое значение.

* По мусульманским законам и обычаям женщинам строго запрещалось смотреть на мужчин.

Д а у л — барабан.

Запись данного варианта легенды сделана составителем от М. Г. Кустовой в 1962 году.

КУТУЗОВСКИЙ ФОНТАН

Турецкий десант, о котором рассказывает предание, высадился у берегов Алушты в 1774 году. Туркам удалось захватить села Шумы (ныне Верхняя Кутузовка) и Демерджи (ныне Лучистое).

Батальон гренадеров под командованием подполковника М. И. Голенищева-Кутузова, несмотря на превосходя-

щие силы противника, разбил турок, захватив две батареи и четыре знамени. (М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 1, М., 1950).

В бою Кутузов был тяжело ранен и на месте его ранения во время строительства дороги Симферополь — Алушта был установлен памятный фонтан, известный под названием Кутузовского.

Предание, записанное Г. Тараном и напечатанное в 1967 году в сборнике «Легенды Крыма», публикуется в изложении составителя.

ПРЕКРАСНАЯ ФЕОДОРА

Легенда повествует о действительных событиях XIII—XIV веков, о захвате генуэзцами всего побережья от Феодосии до Балаклавы и об отпоре, который оказывало местное население.

Образ царицы Феодоры — плод народной фантазии, и сама легенда родилась от мечты людей о сильном характере и событиях, которые дали ему возможность проявиться.

Существует несколько вариантов легенды. В основе публикуемого составителем варианта лежит запись, сделанная в 1935 году от Н. Снежковой из Алушты.

С у д е я — один из древнейших городов Крыма. Русские называли его Сурожем, западноевропейские авторы Солдайя, у восточных географов и арабских купцов он был известен как Судак—Суудаг—Сурдак. Ныне — Судак.

А л у с т о н — Алусти́й (современная Алушта) — древняя крепость VI века, построенная византийским императором Юстинианом I для защиты побережья. До сих пор в Алуште сохранились развалины башни древней крепости.

К а с т е л ь — куполообразная, лесистая гора западнее Алушты, высота 440 м.

ОПАСНЫЙ КУЗНЕЦ

Легенда о горе Демерджи возникла, очевидно, в связи с сильным землетрясением, происшедшим в Крыму. Следы большого обвала, случившегося в 1894 году, видны до сих пор в виде хаоса каменных глыб. Это заставило жителей перенести село Демерджи на другое место (теперь село Лучистое).

Д е м е р д ж и — кузнец.

А и х е - к а я — скала.

В средние века кузнец, благодаря тайнам своей профессии, считался чуть ли не демонической личностью, способной не только изготавливать необходимые людям предметы, но и напускать порчу, творить зло.

В основе изложенного составителем варианта легенды лежит запись, сделанная в 1957 году В. Шляпошниковым.

СЕМЬ КОЛОДЕЗЕЙ, О СЕМИ КОЛОДЕЗЯХ

В сборнике помещены два варианта легенды, объясняющей название железнодорожной станции и в прошлом небольшого селения в 50 км от Феодосии. «Семь колодезей» — легенда, записанная Н. Марксом от жителя Семи колодезей А. Фролова, долгое время батрачившего у немецких колонистов. Вторым вариантом «О семи колодезях» записан Н. Вовком более 50 лет спустя после первого варианта.

Обе легенды объяснимы маловодьем Керченского полуострова. В селе Семь колодезей, основанном в 1878 году колонистами, выходцами из Швейцарии, проживало из-за недостатка воды всего несколько десятков человек.

Первая легенда объясняет исчезновение воды в этих местах злонамеренной алчностью хозяина колодцев.

Вторая легенда объясняет появление воды в семи колодцах самозабвенным трудом отца и сыновей. Оптимизм второй легенды понятен. В районе станции был найден источник пресной воды, а Северо-Крымский канал в какой-то степени восполнил потребности Керченского полуострова в воде.

Вторая легенда печатается с некоторыми сокращениями.

ДЛИННАЯ КРЕПОСТЬ

К а з а н т и п — мыс на берегу Азовского моря. Легенда записана В. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883). Публикуется в обработке составителя.

НАСЛЕДСТВО НЫСЫМАКАЯ

Крымчакская народная сказка, записанная И. Ачкинази в

1966 году со слов М. Ачкинази, первоначально называлась «Как мудрая Гулюш помогла Нысымакаю».

ЛЕГЕНДА О МАМАЕ И ДЕРВИШЕ

К а ф а — Феодосия.

Д е р в и ш — бродячий мусульманский монах, ищущий нравственного совершенства в отречении от земных благ.

М а м а й (?— 1380 г.) — был высшим военачальником в Орде, в 1379 г. стал правителем Орды, однако не мог именоваться ханом, так как не был потомком Чингиз-хана. В Куликовской битве 1380 г. войска Мамаева были разгромлены великим князем Московским и Владимирским Дмитрием Ивановичем. В том же году Мамай потерпел поражение от хана Тохтамыша, бежал в Крым, где был убит на окраине Кафы.

Т ь м а — в старину десять тысяч, в разговорной речи — множество.

Т е м н и к — начальник над тьмою, т. е. над десятью тысячами воинов.

Д м и т р и й И в а н о в и ч (1350—1389 гг.) — великий князь Московский и Владимирский, прозванный «Донским» за победу в Куликовской битве (Мамаевом побоище). Куликово поле находится в верховьях Дона.

Д м и т р и й Б о б р о к — Волынский (Волынец) — воевода, возглавлявший один из полков московского князя. Сыграл решающую роль в Куликовской битве.

К р ы м с к и е г е н у э з ц ы — выходцы из итальянского города Генуи, обосновавшиеся в Крыму. Любопытно, что в 1381 г. они заключили договор с Тохтамышем, по которому все побережье полуострова передавалось в полное их владение.

Т о х т а м ы ш — один из ордынских ханов. Завладев Ордою, он захватил крупные города на Волге, вел борьбу с Мамаем и разбил его наголову в степях близ Мариуполя.

К а ш е м и р — тонкая шерстяная ткань.

Х а н Д ж а н и б е к (1342—1357 гг.). Русские князья платили при нем большую дань, чем та, которую выговорил князь Дмитрий Иванович у Мамаева.

В данном варианте использованы: старокрымская легенда, записанная Н. Марксом («Легенды Крыма», вып. 3, Одесса, 1917), «История государства российского» (Н. Карамзин, т. 5,

гл. 1, Дмитрий Донской), Запись первого общерусского свода летописей «О побоище на Дону и о том, как великий князь бился с Ордою».

КИЗИЛ—ЧЕРТОВА ЯГОДА

К и з и л — распространенное в Крыму лесное растение с темно-красными ягодами, которые созревают поздней осенью. Этот кустарник — долгожитель, живет от 120 до 250 лет. Согласно греческой легенде, появился кизил из копыя Ромула, основателя Рима. Он очертил сначала границы будущего города, а потом с силой воткнул копые в землю, и оно расцвело кизиловым деревцем.

Из ягод кизила готовят джемы, желе, варенья, компоты. Греки и римляне солили кизил, как маслины.

Кизил обладает лечебными свойствами: отвар из листьев помогает при кишечных заболеваниях, отвар из сухих плодов применяют как противохородачное средство при простудах и для аппетита.

ЛЕГЕНДА О БАХЧИСАРАЕ

Б а х ч и с а р а й — древняя столица Крымского ханства. Основан в XV веке, до этого столица находилась в Солхате (ныне Старый Крым). Бахчисарай в переводе означает дворец в садах.

Строительство ханского дворца началось в 1502 году ханом Менгли-Гиреем и продолжалось до середины XVI века. Менгли-Гирей вёл продолжительную борьбу с Золотой Ордой за самостоятельность Крымского ханства. В 1475 году он содействовал туркам при разгроме генуэзских владений в Крыму. После победы турок Крымское ханство попало в вассальную зависимость от турецких султанов. А Золотая Орда окончательно распалась в 1502 году.

В легенде о Бахчисарае аллегорически отражается борьба крымских и золотоордынских ханов и турецкого султана за господство на Крымском полуострове. Створки ворот дворца в Бахчисарае до сих пор украшены резным изображением двух сплетающихся змей — фамильным гербом Гиреев.

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ В СУДАКЕ

Кы з - Ку л е — «Девичья башня» так называется легенда Н. Маркса, впервые приведенная им в сборнике «Легенды Крыма» (М., изд. 2, вып. 1, 1914). Эта башня называется Дозорной. Она находится на вершине Крепостной горы, где расположилась знаменитая Судакская крепость. Но в путеводителях и рассказах экскурсоводов она фигурирует как Девичья башня. Легенды помогли закрепить ее новому названию.

В сборнике приводится сокращенный вариант легенды, опубликованной в «Легендах Крыма» Н. Маркса.

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ

О р т а л а н — (тюрк. - прогалина среди леса). Ныне село Земляничное Белогорского района. Располагалась деревня у горы Сургут-оба (партизаны называли ее Бурус). Суровой зимой 1941 года гора была одета в белоснежную меховую шубу. Здесь располагался штаб партизан и не раз проходили бои.

Легенда записана М. Файзи от Б. Пиастро в 1961 г.

СКАЗАНИЕ О МЕДВЕДЬ-ГОРЕ

М е д в е д ь - г о р а находится к востоку от Гурзуфа. Высота ее 565 метров. Своими очертаниями гора напоминает фигуру прильнувшего к воде медведя. На этом сходстве основана легенда, имеющая много вариантов.

В основу варианта публикуемой составителем легенды положен текст, записанный от Гелдавы из Симферополя.

СИЛА МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Н е п т у н — один из древнейших римских богов, отождествляется с греческим Посейдоном. Владыка моря и всех вод вообще, брат Зевса и Аида.

П р а з д н и к Н е п т у н а — нептуналий справлялся 23 июля.

«Легенда о матерях» И. Панькина печатается с дополнениями составителя из сборника сказок «Жар мечты» (изд. «Молодая гвардия», М., 1970).

ВЕСТНИК

Село Геройское Сакского района (бывшее Ашага-Джамин), недалеко от трассы Симферополь — Евпатория.

13 апреля 1944 года 9 разведчиков на танке, обнаружив заслон противника в селе Ашага-Джамин, завязали бой. Танк получил повреждение. Фашисты предлагали разведчикам сдаться, но те заняли круговую оборону и пока были боеприпасы, отражали атаки. Потом схватились с врагом в рукопашном бою. Израненных, исколотых, истекавших кровью воинов, гитлеровцы расстреляли в упор.

Ночью несколько жительниц села тайком пробрались к месту боя, чтобы похоронить погибших. Один из солдат чудом остался жив. Это был девятнадцатилетний Василий Ершов, получивший семнадцать огнестрельных и колотых ран. Его спасли и вывели женщины, ждавшие своих сыновей с фронта.

Девятый разведчик В. Ершов умер в 1973 году у себя на родине в Калининской области, где жил и работал после войны.

На вершине холма села Геройского установлен памятник, на котором перечислены имена погибших Героев Советского Союза.

Легенда записана М. Файзи в новой редакции.

ВОЛШЕБНЫЙ ГОРН

Записано со слов Л. Кондрашенко. Опубликовано в сборнике «Легенды Крыма» (Изд-во «Крым», 1967 г.).

**ПЕРЕЧЕНЬ ТОПОНИМОВ
(ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ)
И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ**

Акрополь (греч.) — укрепленная часть античного города, обычно на холме.

Архонт (греч.) — высшее должностное лицо.

Ай-Петри (греч.) — святой Петр.

Архиепископ (греч.) — служитель религиозного культа.

Алтарь (греч.) — главная часть в православной церкви, отделенная иконостасом, у древних — жертвенник.

Амвон (греч.) — возвышение перед алтарем в церкви, с которого производится проповедь.

Ак-яр (тюрк.) — Белый Обрыв.

Бей (тюрк.) — князь.

Гренадеры (фр.) — отборная часть пехоты в армиях.

Дервиш (перс.) — нищенствующий мусульманский монах.

Кизил-Таш (крым. тат.) — Красный Камень.

Кипчак (тюрк.) — самоозвание половцев.

Кольчуга — старинный воинский доспех в виде рубашки из металлических колец.

Кыз (тюрк.) — девушка.

Кырк (тюрк.) — название тюркского рода.

Мисхор (греч.) — среднее село.

Опук (тюрк.) — удод (птица).

Сераксир (тур.) — главнокомандующий турецкими войсками.

Понт Эфсинский (греч.) — море гостеприимное.

Таврика — название Крымского полуострова у древних греков и римлян. С XVIII века в русских источниках — Таврида, по названию племен тавров, обитавших здесь с первого тысячелетия до нашей эры.

Чатыр-Даг (тюрк.) — Шатер-гора.

Яйла (тюрк.) — летнее пастбище на горном плато.

В перечне приняты следующие сокращения: греч. — греческий язык, лат. — латинский язык, фр. — французский язык, тюрк. — тюркский язык, перс. — персидский язык, крым. тат. — крымско-татарский язык, тур. — турецкий язык.

СОДЕРЖАНИЕ

Дар волшебного путешествия.....	3
Загадки легенд.....	6
Как возник Крым	17

БАСМАН

Легенда о Чигенитре.....	20
Ифигения в Тавриде.....	26
Гикия - героиня Херсонеса	28
Поход Бравлина	29
Сокровище горы Басман.....	31
Заветный камень	35

АЙ-ПЕТРИ

О надписи на стене Мангупа	38
Разбойничья пещера	39
Лиса и Змея.....	42
Осел и муравей	43
Морское сердце	44
Почему гору назвали Ай-Петри	45

ДЕМЕРДЖИ

Загадочные письма.....	49
Джаньке из Кырк-ора.....	51
Кутузовский фонтан.....	54

Прекрасная Феодора	56
Опасный кузнец.....	58

ЧАТЫР-ДАГ

Семь колодезей.....	61
О семи колодезях.....	64
Длинная крепость	67
Наследство Нысымакая.....	69
Акчачик, деньги и любовь.....	71
Легенда о Мамае и дервише	75
Кизил - чертова ягода	78
Легенда о Бахчисарае	80

АЮ-ДАГ

Девичья башня в Судаке.....	83
Любовь матери	85
Сказание о Медведь-горе	88
Сила материнской любви	91
Вестник.....	94
Волшебный горн	97

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дорогами крымских легенд	101
Примечания	104
Перечень топонимов и малоупотребительных слов.....	116

Литературно-художественное издание

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Автор-составитель **Файзи Мурат Хадыевич**

Художник *Отрождёнов Л. М.*

Компьютерная вёрстка *Орлова Д. С.*

Подписано в печать 03.09.2020 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура «AcademySTT». Усл. печ. л. 6,98.

Объем 7,5 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 233209.

ГАУ РК «Медицентр им. И. Гаспринского»

295048, Республика Крым,

г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.

E-mail: mediacenter2015@mail.ru

ОГРН 1159102113455

Отпечатана в типографии ООО «МАНДАРИН»

Симферопольский район, с. Фонтаны, ул. Чкалова, д. 65.

E-mail: mandarin.print@mail.ru

Сайт: <https://mandarin-print.ru>